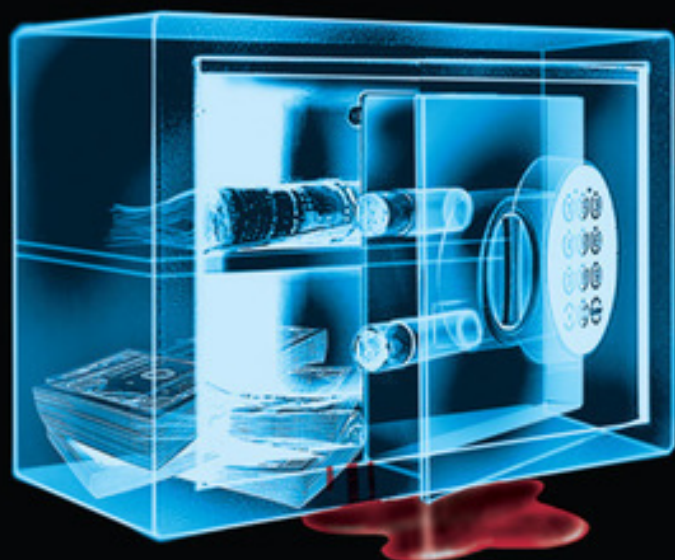

Врачебные [секреты]

Ирина Градова

ВРАЧЕБНАЯ
ОШИБКА

Врачебные секреты

Ирина Градова

Врачебная ошибка

«ЭКСМО»

2014

Градова И.

Врачебная ошибка / И. Градова — «Эксмо», 2014 — (Врачебные секреты)

В отделении, где работает врач-анестезиолог Агния Смольская, во время операции гибнет молодая пациентка Нина Митина. На первый взгляд смерть девушки произошла вследствие врачебной ошибки, но никто из бригады, делавшей операцию, своей вины не признает. А вскоре выясняется: Нина работала журналисткой и в последнее время писала статьи именно на врачебные темы. Тем временем в Отдел медицинских расследований обращается мать одиннадцатилетнего мальчика. Недавно его прооперировали и удалили одну почку на предмет опухоли Вильмса. Больница, где проводилась операция, отказывается выдавать матери тканевый материал для выяснения того, действительно ли диагноз был поставлен правильно. Агния берется помочь – дело-то легче легкого! Однако постепенно выясняется, что новое «легкое дело» Агнии и смерть ее пациентки связаны между собой...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	41
-----------------------------------	----

Ирина Градова

Врачебная ошибка

Посвящается моей дорогой мамочке, которая продолжала верить в меня, даже когда я сама перестала.

Ирина Градова

Сидя в кабинете Леонида Кадреску, предвещающем вход в прозекторскую, я цедила кофе, услужливо принесенный санитаром. Команда Леонида вымуштрована наподобие армейского подразделения, и его приказы исполняются четко и незамедлительно. Я познакомилась с немногословным, странноватым патологоанатомом, когда судьба впервые свела меня с Отделом медицинских расследований¹. Леонид работал там со дня основания, и Андрею, руководителю организации и по совместительству мужчине, которого я люблю, пришлось потратить немало сил и энергии, чтобы заманить Кадреску к себе. Он ни разу об этом не пожалел: патологоанатом не только дотошный профессионал, но еще и человек, на которого можно положиться в самой трудной ситуации.

Ожидание тянулось бесконечно долго. Приезжать было вовсе не обязательно, ведь Кадреску обещал позвонить, как только получит результат теста, однако я просто не смогла дожидаться его звонка. Этот результат значил для меня слишком много, чтобы я могла сохранять спокойствие! Наконец дверь в прозекторскую распахнулась, и на пороге возникла высокая атлетическая фигура патологоанатома. Всем своим видом он опровергал сложившийся у обывателя стереотип в отношении того, как должен выглядеть настоящий патологоанатом-криминалист. В фильмах это либо женщина, либо толстый, неряшливо одетый мужчина, обожающий устраивать пикники прямо на столе, раскладывая еду чуть ли не на трупах. Леонид похож на картинку из модного журнала; выражение лица у него обычно отсутствующее, а взгляд черных глаз направлен, как правило, мимо собеседника.

– Ну зачем вы приехали, Агния? – с укором произнес он. – Я бы позвонил!

– Есть результат? – вместо ответа на этот риторический вопрос спросила я.

Леонид опустил в кресло свое большое тело, в котором не было ни капли лишнего жира. Постоянные тренировки сделали его похожим на послушный инструмент, повинующийся первому же нервному импульсу своего хозяина. То, что патолог ответил не сразу, заставило меня замереть в ожидании «приговора».

– Не буду вас мучить, – со вздохом сказал Леонид. – Андрей – не отец.

Я шумно выдохнула воздух из легких. Несмотря на то, что вердикт Кадреску стал для меня ударом, это был ожидаемый удар, поэтому я все равно испытала облегчение. Женщина всегда знает, от кого беременна: хоть я и надеялась, что моя девочка – дочь Андрея, в глубине души была уверенность в отцовстве Олега.

– Значит, так...

– Но вы ведь что-нибудь придумаете? – Казалось, Кадреску расстроен даже больше меня.

– Все в порядке, Леонид, – через силу улыбнулась я. – Главное, у меня есть дочь, а кто отец... В конце концов, все проблемы решаемы!

Но на самом деле это не так. Олег полон решимости получить права на моего ребенка. Я не против их общения, но он, похоже, желает пойти дальше и отобрать у меня дочь! Это кажется невероятным... И все же я боюсь.

Леонид проводил меня до фойе. В этом не было необходимости, но он сказал, что ему нужно подышать свежим воздухом. Не удивляюсь: целыми днями сидючи в помещении с покойниками, недолго и умом тронуться. Особенно в эти яркие майские дни, когда деревья

¹ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Врач от бога».

покрыты молодым зеленым налетом, а небо, впервые за долгие месяцы, безоблачно-синее. Лариса, дочь Андрея от первого брака, сидела на скамеечке у входа. При виде нас с Леонидом она вскочила на ноги. В огромных серых глазах, устремленных на меня, застыл немой вопрос. Я лишь качнула головой, и она все поняла без слов. Затем ее внимание переключилось на моего спутника, и я заметила вспыхнувшее во взгляде молодой женщины восхищение. Но удивило меня не это, а то, что Леонид, казалось, так и пожирал Ларису глазами. Я редко видела, чтобы он на ком-то задерживал свой взгляд, однако сейчас оба, не отрываясь, смотрели друг на друга, и я вдруг почувствовала себя лишней. Лариса и в самом деле чудо как хороша – хрупкая яркая блондинка с чистой, словно восковой кожей, полными губами и глазами Андрея, большими, прозрачно-серыми, словно норвежские фьорды. С нашего с нею совместного приключения² она еще больше похорошела. Волосы отросли, она вставила имплантаты вместо выбитых бывшим сожителем зубов и сейчас выглядела как претендентка на участие в конкурсе «Мисс Вселенная» или, в крайнем случае, «Мисс Россия». Глядя на этих двоих, я невольно подумала, какая прекрасная вышла бы пара... Но Кадреску – орешек, раскусить который вряд ли под силу тихой и пугливой Ларисе. Я бы не пожелала ей такого тяжелого спутника, как Леонид: слишком она настрадалась со своим сожителем-бандитом, а потом еще и в секту угодила – нет, ей нужен кто-то простой, но спокойный и нежный, способный вернуть девушке душевное равновесие.

Я представила их друг другу, после чего произнесла:

– Ну, пошли?

Молодая женщина с явной неохотой отвела глаза от Леонида.

– Да... конечно, – кивнула она. – Идем.

На улице светило солнце, и я подумала, что радовалась бы отличной погоде, если бы не то, что сообщил мне Леонид.

– Значит, все плохо? – спросила Лариса.

– Придется сказать Олегу.

– Может, не надо? Вдруг...

– Никакого «вдруг» не будет, Лара, – перебила я. – Олег обещал, что через суд добьется анализа ДНК, и он это обязательно сделает, если я попытаюсь соврать. Думаю, если бы результат оказался в пользу Андрея, мой бывший ни за что бы не поверил и потребовал повторной экспертизы! Так что давай считать, что я еще отделалась малой кровью, – теперь, по крайней мере, Олег будет удовлетворен.

– Но как же его желание отобрать Анютку? – спросила Лариса. – Узнав, что она – его дочь...

– Ну и что? – снова перебила я. – Разве я алкоголичка какая-нибудь, наркоманка или бездомная, чтобы отбирать у меня ребенка?!

Лариса покраснела, и я пожалела о своем всплеске эмоций. Дочь Андрея в свое время злоупотребляла наркотиками – когда жила с уголовником. Его бывшая жена до сих пор винит Андрея в том, что Лариса пристрастилась к пагубной привычке, сбежала из дома и вела образ жизни, который принято называть разгульным. Но я не считаю его виноватым. Да, их семейная жизнь не сложилась – из-за постоянных разъездов Андрея по горячим точкам и его пристрастия к алкоголю. Но ведь Алина устроила свою личную жизнь после развода, выйдя замуж за друга Андрея. Он понял и простил, а она – нет. Иногда мне кажется, что она жалеет о разводе. А еще, может быть, завидует. Завидует тому, что Андрей образумился, бросил выпивать и мотаться по горным районам под пулями террористов. Он стал писать книги и читать лекции в зарубежных университетах, возглавил челюстно-лицевое отделение в Институте реконструкционной хирургии и вот теперь наконец окончательно осел, обзаведясь мной, внучкой (Лариса родила Эрику в секте) и дочкой. Дочкой *Олега*, как только что выяснилось. Для Андрея резуль-

² Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Второе рождение».

тат теста неожиданностью не станет: мы много раз обсуждали такую возможность, и он говорит, что Анюта останется *нашим* ребенком, что бы ни показал анализ ДНК. Все бы хорошо, если бы не Шилов. Могу его понять с какой-то стороны: его собственная дочка утонула, и Олег всегда мечтал о ребенке. Теперь он у него есть, и только бог знает, на что он готов пойти, чтобы отобрать Анюту!

– У него ничего не выйдет, – добавила я, успокаивающе похлопывая Ларису по руке. – Он сможет видаться с ней – и только. Препятствовать общению я не стану.

– Ты очень сильная, – вздохнула Лариса, опустив плечи. – Иногда мне хочется быть такой же!

– Тебе не обязательно, – улыбнулась я. – У тебя есть отец, который порвет пасть любому, кто посмеет тебя обидеть.

– Это правда, – кивнула она, и ее лицо прояснилось. – Мне здорово повезло!

* * *

А утром следующего дня началось! Перед самым выходом на работу позвонил Олег. Я сказала ему, как обстоят дела, но он потребовал встречи. Совершенно безапелляционно он заявил, что завтра в десять часов он и его адвокат будут ждать меня в конторе на Большом проспекте Петроградской стороны. Я попыталась возразить, что у меня, между прочим, работа, но он бросил трубку сразу после того, как продиктовал точный адрес.

– Не ходи, – посоветовала Лариса, во время разговора стоявшая рядом и слышавшая нашу словесную перепалку. – Дождись папу!

– Это только завтра, Лара, – вздохнула я. – Успею переговорить с Андреем... Но это ничего не решит: Олег будет гнуть свою линию, а я не хочу с ним ссориться – он может здорово отравить нам существование!

Не знаю, как вышло, что мы с Олегом стали врагами, ведь было время, когда мы без памяти любили друг друга. Любовь зрелых людей, чего-то достигших в жизни. Мне было под сорок, ему чуть больше. За плечами у обоих по неудавшемуся браку, у меня взрослый сын, Дэн... Кто знал, что все так быстро развалится? Олег изменил, я узнала, но он уверял, что все несерьезно. А у меня – наоборот, все получилось очень даже серьезно, с Андреем. И где мы в итоге оказались?

В больницу я пришла расстроенная, тщетно пытаюсь скрыть свое настроение от окружающих. Теоретически мне следовало находиться в отпуске по уходу за ребенком, но заведующая слезно умоляла выйти хотя бы на четверть ставки. Начинался сезон отпусков, а это означало, что просто некому работать. В то же время Лариса могла присматривать за обеими нашими девочками, пока меня нет. Она устроилась администратором в салон красоты, но там работа посменная, и Лариса попросила вечерние смены, чтобы быть свободной до обеда, пока я занята. Андрей предлагал нанять какую-нибудь приличную женщину нам в помощь, но я пока не готова перепоручить своего ребенка постороннему человеку.

– Что-то случилось? – спросила Жанна, когда я, опустившись на стул в ординаторской, принялась бесцельно перебирать пачку нуждающихся в срочном заполнении карт. Заниматься бумажной работой не было никакого желания, но заведующая, Елена Георгиевна Охлопкова, строго отчитывает нас за пренебрежение этим видом деятельности. Обычно я стараюсь все делать вовремя, но сегодня просто душа не лежала. Очевидно, Жанна заметила мое упадническое настроение.

– Я не могу помочь? – участливо поинтересовалась она.

Жанночка Рыкова – моя ученица. Это я привела ее в нашу больницу, еще интерном. Теперь она полноценный специалист, работает анестезиологом третий год, но по-прежнему

относится ко мне как к учителю. Иногда это меня напрягает, но одновременно и льстит, что девушка советуется со мной в сложных случаях.

– Завтра у меня три операции, а мне нужно обязательно быть в одном месте...

– Не вопрос, Агния Кирилловна! Я же вам два дня должна, помните?

И правда – совсем забыла!

– Отлично, спасибо тебе, – с облегчением улыбнулась я.

– У вас что-то случилось?

В наблюдательности девочке не откажешь – она умеет читать настроение по лицу.

– Случился бывший муж.

– Поня-а-атно, – протянула она и не стала задавать дальнейших вопросов.

Жанна знакома с Олегом, ведь когда-то он работал в нашей больнице и заведовал отделением ортопедии и травматологии. Олег отличный хирург и хороший человек – говорю это, несмотря на подпорченные отношения, так как не могу погрешить против истины. Здесь его любили, и, насколько мне известно, многие коллеги не одобряют нашего развода. Об этом стараются не говорить, но слухи до меня доходят. Что ж, сплетни – их дело, а мне они должны быть до лампочки, ведь это моя жизнь, и никто не вправе решать, как мне ее проживать!

– Тогда я предупрежу Елену Георгиевну, – сказала я.

Охлопкова любит быть в курсе любых перестановок. Это правильно, ведь в больнице действует принцип «капитана корабля»: случись что, в первую очередь ответственность несет заведующий отделением.

В тот день я давала наркоз на двух сложных операциях на кардиохирургии и на одной на гастроэнтерологии, поэтому в конце рабочего дня чувствовала себя убитой. Освободилась только к пяти – вот результат отпускного периода! Может, зря я раньше времени вышла из декрета? С другой стороны, Охлопкова всегда старается идти мне навстречу, так разве могу я ее подвести? Проблема не только в отпусках: в последнее время в больнице страшная текучка. С приходом нового главврача начались необъяснимые перестановки, увольнения заведующих отделениями и назначения вместо них людей, не только не знающих, как работать с персоналом, но и о медицине имеющих весьма расплывчатое представление. Некоторые хирурги уволились только потому, что, поглядев, как оперирует новый зав, решили, что их слабая психика не вынесет подобных ударов! Анестезиологи пока держатся – все благодаря Елене Георгиевне, но Андрей уже не раз предлагал мне перейти на работу к нему в клинику: там и платят больше, и работали бы вместе – все веселей. Но я прикипела душой к своей больничке, ведь больше двадцати лет ей отдано, а это не фунт изюма, как говорится! Хотя жаль, конечно, когда уходят отличные врачи.

До дома я доползла только в половине седьмого вечера. Голодная как волк и выжатая как лимон, ввалилась в прихожую. Едва я закрыла за собой дверь, как раздался веселый голос:

– Привет, мам! – и в коридор выскочил Дэн. Он принял у меня ветровку и подмахнул тапки, пока Юбер, мой трехлапый курцхаар, вертелся под ногами, оспаривая право первой встречи хозяйки. – Ларка в магазин выскочила, а я вот с девчонками сию!

Значит, сынуля пришел нас навестить, а у меня в холодильнике пусто – какой ужас!

– Я сейчас что-нибудь сварганю, – сказала я. – Только руки вымою...

– Да не мельтеши ты! – отмахнулся сын. – Я суши принес. А еще – овощей всяких, фруктов – сейчас салат сляпаю.

– Нет уж, ты лучше детьми займись, – возразила я, направляясь в ванную. – Я сама все нарежу.

Он послушно направился в детскую, а я – на кухню. Быстро соорудив салат, я пошла проводить детишек. Дэн сидел на диване, держа Анюту на руках. Она жевала соску, глядя на брата восхищенными глазенками. Я не могла глаз оторвать от этой прелестной картины: мой

высокий, сильный, красивый сын, склонивший голову над моей маленькой, пухленькой и розовой дочуркой!

– Из тебя когда-нибудь выйдет отличный папаша, – проговорила я с умилением. – Но лучше позже, чем раньше!

– Ты так говоришь, чтобы как можно дольше меня эксплуатировать? – поинтересовался он, и мы оба рассмеялись. Заглянув в кроватку Эрики, я увидела, что она мирно спит. Удивительно спокойный ребенок, несмотря на дурную наследственность со стороны отца! Эрика – ласковая и улыбчивая девочка, почти не плачет и вообще очень позитивна, мы все черпаем от нее массу энергии.

– Слышал, у тебя завтра день икс?

– Так ты что, в качестве группы поддержки прискакал? – подозрительно нахмурившись, спросила я.

– Вроде того. Подумал, что тебя надо подбодрить и подкормить, а то со времени родов ты похожа на худую лошадь...

– На лошадь?! – взвизгнула я, пытаясь запустить в Дэна тапкой, промахнулась и попала в Юбера, который, поджав хвост, нырнул за диван, недоумевая, чем заслужил подобное. – Вот, значит, кем ты считаешь собственную мать?!

– Да ладно тебе, – уворачиваясь от меня, смеялся Дэн. – Я просто замечаю, что тебе нужно набрать парочку кило!

Приход Андрея прервал нашу шутиливую потасовку. Через несколько минут подросла Лариса, и мы отправились ужинать.

– Пап, – сказала она, когда мы приступили к еде, – Агния завтра встречается с Олегом.

Я кинула на нее неодобрительный взгляд: собиралась сообщить об этом ему, когда мы останемся наедине.

– Я поеду с тобой, – произнес он.

– Это только усугубит ситуацию! Уж лучше я одна – может, он смягчится?

– Он с адвокатом придет, – снова встряла Лариса.

– Тебе тоже нужен адвокат, – заявил Андрей.

Он потянулся за сотовым, но я перехватила его руку.

– Поешь сначала, ладно? Я ведь не в суд иду, а только выяснить, что Олег собирается делать. Надеюсь, до суда дело вообще не дойдет, ведь я не намерена препятствовать ему видиться с Анютой!

– И все же одна ты не пойдешь, – жестко сказал Андрей. – Пусть видит, что и за тебя есть кому заступиться!

Наш последний разговор с Шиловым закончился скандалом – в жизни не подозревала, что человек, который меня любил, станет разговаривать со мной как с преступницей. Чудны дела твои, Господи: стоит двум близким людям расстаться, как они становятся непримиримыми врагами! Счастье, что с первым мужем вышло иначе. Нам нечего было делить, более того, Славка чувствовал себя виноватым за то, что бросил нас с Дэном в трудной ситуации ³, поэтому не просто ведет себя образцово, но и до сих пор замаливает грехи подарками. Последними его «подношениями» сыну стали машина и квартира! Но, видно, цивилизованный развод – не наша с Олегом тема.

– Кстати, – добавил Андрей, – ты просила у меня дело. Есть еще желание?

Я очень страдала оттого, что Андрей отстранил меня от работы в Отделе медицинских исследований, сочтя, что забота о дочери и больница, пусть и не на полную ставку, и так отнимают слишком много времени. Но я заметила за собой одну парадоксальную вещь: чем больше я занята, тем больше у меня свободного времени. Да и работа в Отделе, так непохожая

³ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Окончательный диагноз».

на все, чем я привыкла заниматься, мне нравилась. Я люблю чувствовать себя нужной, кроме того, мне интересно разгадывать загадки – смею предположить, у меня неплохо получается.

– Что за дело? – поинтересовалась я.

– Легкое, на пару дней. Из Комитета спустили – не хотят сами заниматься. Одна женщина никак не может выцарапать из детской онкологической больницы опухолевый материал своего сына.

– А зачем ей?

– Хочет перепроверить результаты – что-то вызвало у нее подозрения. Так что нужна помощь: думаю, корочки Отдела произведут должное впечатление и ей без дальнейших вопросов все выдадут. Я бы кого-нибудь другого послал, но все, как назло, заняты, и только ты...

– Хорошо, – прервала я его, – сделаю. В конце концов, тут работы с гулькиным носом, так?

* * *

Андрей, как всегда, не шутил: он действительно позвонил адвокату, и я была ему за это благодарна, так как уже с утра не чувствовала в себе сил вынести встречу с Шиловым в одиночку. Адвокат, вернее, адвокатша оказалась сухопарой дамой чуть за пятьдесят, прямой, как палка, и подтянутой, словно суворовец. Она сама заехала за мной на своем «Хаммере» – впервые в жизни сидела в такой машине: ощущение как в танке.

– Ничего не говорите, – предупредила Гелена Шаевна Абель (так звали мою новую знакомую и, вероятнее всего, спасительницу). – Сначала надо выяснить, чего хотят они. После каждого вопроса вашего бывшего мужа или его адвоката поглядывайте на меня. Я киваю – отвечайте, нет – молчите. Это понятно?

Я кивнула. Суровая, но таким, наверное, и должен быть хороший адвокат. Контора, где располагался офис адвоката Олега, выглядела шикарно. Повсюду дерево, кожа и абстрактная живопись. Войдя в дверь после разрешения секретарши, я еще раз поздравила себя с Геленой Шаевной: помимо Шилова, в помещении оказались двое мужчин, походящих на доbermanов, готовых броситься в бой по первому знаку дрессировщика. Оба невысокие, плотные, они прямо-таки излучали ауру благополучия и респектабельности, только костюм одного из них, темно-коричневый, с прекрасно подобранным галстуком, выглядел более дорогим. Очевидно, второй – его помощник? Я посмотрела на Олега. Все так же красив, ухожен и отлично одет – этого у него не отнимешь. Только в зеленых глазах, устремленных на меня, опасный блеск. Раньше я его не замечала!

– Великолепно выглядишь, – произнес он при моем появлении. – Слово и не рожала!

Интересно, это комплимент или обвинение? Я знаю, что выгляжу неплохо – подготовилась к встрече, применив все свое мастерство, ведь нельзя, чтобы бывший муж заметил слабинку. Я не удержалась от возможности съязвить:

– Если бы я не рожала, Шилов, мы бы с тобой здесь не сидели!

– Давайте приступим к делу, – вмешался старший из «доберманов», продвигая мне стул, в то время как второй сделал то же самое для Абель. Она опустилась на сиденье, как королева, не удостоив мужчину даже взглядом. – Наш вопрос прост: установление отцовских прав Олега Валентиновича Шилова на вашу совместную дочь, Анну.

Еще никто не называл мою малышку Анной – это звучало как-то неестественно! Анной зовут мою маму, а дочь – просто Анечка, Аня, Ася...

– Никто не пытается лишить Олега Валентиновича его прав, – тут же ответила адвокатша. – Ребенок еще маленький, поэтому нуждается в каждодневной заботе матери, но позже господин Шилов будет иметь возможность встречаться с дочерью и даже забирать ее домой на выходные или...

Второй адвокат открыл было рот, но Олег остановил его взмахом руки.

– Кажется, – сказал он, – вы не понимаете, о чем речь. Я говорю вовсе не о встречах или каникулах, а о передаче мне прав на ребенка!

– По-моему, вы шутите, – невозмутимо отреагировала на это Абель, хотя я при словах бывшего мужа едва не подскочила до потолка.

– Поверьте, Олег Валентинович знает, о чем говорит, – возразил адвокат. – У нас много фактов, которые мы готовы представить в суде, и любой из них поставит под вопрос способность Агнии Кирилловны выполнять свои материнские обязанности.

– Что?! – возмутилась я, игнорируя предупреждающий жест Абель. – Это почему же я не в состоянии? Только потому, что работаю в Отделе медицинских расследований и иногда сталкиваюсь с опасностью? Но в мире полно более опасных занятий – тушение пожаров, к примеру...

– А дело вовсе не в тебе, Агния, – опасно тихим голосом прервал меня Шилов. – Мир не вращается вокруг тебя, и я думаю в первую очередь о ребенке – вот он-то как раз и находится в самой настоящей опасности, так как ты оставляешь дочь с наркоманкой, дочь своего любовника!

Так вот он куда!

– Лариса – не наркоманка! – возразила я, едва сдерживаясь, чтобы не наброситься на бывшего мужа с кулаками (ну кто бы мог подумать, что нежность, которую я испытывала к нему, так быстро трансформируется в ненависть?). – Действительно, она употребляла наркотики, но вот уже почти два года чиста!

– И ты можешь за это поручиться? – вкрадчиво поинтересовался Олег.

– Бывших наркоманов не бывает, – закивал старший из адвокатов. – Где гарантия, что ваша э-э... падчерица не сорвется и не причинит вред младенцу?

– Достаточно! – властным голосом вмешалась в перепалку Абель. – Где гарантия, что любая платная нянька не окажется наркоманкой или сумасшедшей? А может, Олег Валентинович бросит работу и станет сам сидеть с дочерью?

– Это вас не касается! – злобно буркнул Олег.

– Ошибаетесь, – спокойно ответила на это адвокат. – Раз вы сочли нужным указать на огрехи моей клиентки, мы также вправе требовать от вас отчета!

– Проблема не только в Ларисе, – вновь заговорил адвокат Олега. – Вспомните, какой опасности вы подвергали свою жизнь, а значит и жизнь плода, в прошлое расследование? Да вы обе едва не сгорели в сарае, не говоря о других угрозах, которых, к счастью, удалось избежать!

⁴ Не слишком-то ваша клиентка заботится о собственном ребенке, Гелена Шаевна!

Я задохнулась от гнева, но один взгляд на лицо Олега, на котором появилась хищная улыбка, заставил меня сдержаться: Абель права, и я не должна позволять ему вывести меня из себя, иначе могу потерять дочь!

Из офиса я выползла как побитая собака: у меня было ощущение, словно меня перемололи в мясорубке. С наслаждением вдыхая влажный после дождя весенний воздух, я вдруг ощутила на своем плече твердую ладонь адвоката.

– Постарайтесь держать себя в руках, – неожиданно мягко произнесла она. – Они только и ждут, что вы потеряете контроль!

– Какие у них шансы? – спросила я.

– Лишить вас родительских прав? Никаких, не волнуйтесь. Однако существует возможность, что суд определит место проживания ребенка с отцом...

– Это невозможно! – воскликнула я. – Она же такая маленькая!

– Мы этого не допустим. Положитесь на меня и постарайтесь не общаться с бывшим мужем. Он станет искать с вами встреч, будет настаивать, уговаривать, запугивать. Он превра-

⁴ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Второе рождение».

тит вашу жизнь в ад, но не поддавайтесь на провокации. И постарайтесь хотя бы на время найти более благонадежную няню для Анечки.

– Более... благонадежную?

– Мы обе понимаем, о чем речь, Агния: бывшая наркоманка и правда не самая лучшая реклама для достойной доверия матери!

* * *

В отделении царил странная тишина. В принципе, там всегда довольно тихо – такова специфика анестезиологии и реанимации, – но в это утро я просто кожей ощущала, как сгустился воздух в коридорах. Даже несмотря на расстроенные чувства по причине встречи с адвокатами бывшего мужа, это невозможно было не заметить.

– Что тут у вас происходит? – спросила я у Марины, своей коллеги, которая оказалась единственной в ординаторской.

Сдвинув очки на нос, Марина пристально посмотрела на меня. Мы не в лучших отношениях, так как она считает, что я пытаюсь усидеть на двух стульях: работаю в больнице, да еще и расследованиями в ОМР занимаюсь. А теперь, родив второго ребенка, я вообще стала ей ненавистна, ведь Марина очень хочет ребенка, но у нее никак не получается. Они с мужем женаты больше десяти лет, но ей так и не удалось забеременеть, а ведь Марина моложе меня почти на десять лет – вот и еще одна причина для неприязни.

– Пациентка умерла, – ответила она на мой вопрос. – Одна из тех, что ты Жанне передала. Моя рука, тянувшаяся к халату, замерла в воздухе.

– К... к-какая пациентка? – запинаясь, пробормотала я, припоминая всех, кого опрашивала накануне на предмет анестезии.

– Та, молоденькая, – пожала плечами Марина. – Со шрамом.

– Что?!

Девушка по имени Нина, если не ошибаюсь, пришла в больницу накануне. Ее не должны были продержать больше суток, ведь ей требовалась легкая операция по удалению рубцовой ткани. Некоторое время назад Нину покусала собака, и ей предстояла всего лишь косметическая процедура – правда, под наркозом, но я ни за что бы не подумала, что она может окончиться смертью!

– А в чем причина? – спросила я, справившись с шоком. – Нина сказала, что у нее нет аллергии на препараты анестезии – она уже перенесла несколько хирургических вмешательств, все без последствий...

– Да я-то откуда знаю? – с раздражением отозвалась Марина. – Все отделение на ушах, Охлопкова беснуется, а Жанка – та просто на ногах не стоит! Охлопкова «разбор полетов» на двенадцать назначила. Вот, сижу, переписываю свои бумажки, потому что она грозилась под эту марку всех проверить!

С нашей заведующей шутки плохи. Она человек справедливый, но суровый, и я понимала, в какое печальное положение попала Жанна. Я не могла отделаться от чувства вины, ведь она заменила *меня* на той злополучной операции!

К двенадцати часам мы, персонал отделений анестезиологии и реанимации и хирургии, собрались в конференц-зале. Главный настоял на том, чтобы присутствовали все без исключения. С тех пор как несколько лет назад Добров (трудно представить себе фамилию, меньше подходящую этому человеку!) занял место главврача, «разборы полетов» стали обычным делом. Такое и раньше случалось, но, кажется, Добров испытывает едва ли не сексуальное удовольствие, устраивая разнос подчиненным, не стесняясь в выражениях. Другое дело – Елена Георгиевна. Она человек интеллигентный, браниться не станет, но может так отбрить, что жить не захочется – не знаешь, что и лучше!

Сама я редко становлюсь предметом обсуждения, но присутствовать, когда ругают других, весьма неприятно. А в данный момент я ощущала собственную ответственность: не попроси я Жанну меня заменить, возможно, ничего бы и не произошло?

Я знаю, что Охлопкова и Добров на дух друг друга не переносят. Он – типичный жено-ненавистник. Особенным нерасположением нашего главного пользуются женщины-врачи (на медсестер и нянечек его неприязнь не распространяется). Думаю, проблема в том, что Добров не считает женщин способными заниматься серьезной профессией, он – шовинист до мозга костей, уверенный, что немецкая аллитерация о месте женщины, приписываемая, если не ошибаюсь, кайзеру Вильгельму Второму – «Kinder, Küche, Kirche»⁵, – актуальна и по сей день. Доброву невдомек, что времена изменились, и он, являясь главным врачом огромной больницы, вполне мог бы заметить, что в его собственной организации семьдесят процентов работников – женщины!

И все же сегодня, несмотря на обоюдную нелюбовь, Охлопкова и Добров находились по одну сторону баррикад, а мы все – по другую. Ни для кого повод для собрания не стал открытием: новость о нелепой гибели пациентки распространилась по больнице со скоростью, которой могли бы позавидовать в ЦУПе или НАСА, и все понимали, что сейчас последуют репрессии. Добров страшно не любит скандалов. Памятуя о печальной судьбе своего предшественника, уволенного за многочисленные злоупотребления, он старается действовать так, чтобы комар носа не подточил.

На лице главного застыло постное выражение. Косвенно он нес ответственность за то, что произошло, но все же в полной мере вина ложилась на Охлопкову как на заведующую, где произошла трагедия. Поэтому именно она встала, привлекая всеобщее внимание, а Добров остался сидеть, буравя взглядами ряды людей в белых халатах. У Елены Георгиевны особая манера вести «допрос» провинившихся. Голос ее при этом спокоен, лицо ничего не выражает, и лишь глаза, превращающиеся на время в две узкие щелочки, демонстрируют, насколько заведующая раздражена.

– Жанна Афанасьевна, не расскажете ли нам о том, что вы натворили? – начала она, и я почувствовала, как рука девушки, лежащая на подлокотнике рядом с моей, напряглась. Я специально выбрала место рядом с Жанной, хотя все остальные, по-видимому, инстинктивно старались дистанцироваться, так что вокруг нас образовалась зияющая пустота из незанятых кресел.

Медленно, словно во сне, Жанна поднялась со своего места.

– Пациентке... – начала она, но тут вмешался Добров.

– Нине Митиной, – с нажимом поправил он, пытаясь таким образом разрушить дистанцию врач – пациент, указывая нам всем на то, что умершая была человеком, а не просто койко-местом без имени и фамилии.

– Д-да, – пробормотала Жанна, ни на кого не глядя, – Нине... Митиной был введен лидокаин с эпинефрином один к ста тысячам...

– Что потом? – резко спросила Охлопкова, так как Жанна снова запнулась.

– Частота сердцебиения и давление выросли. Мы их снизили, и больная стабилизировалась. Через десять минут после стабилизации у нее остановилось сердце...

– Иван Денисович, а вы, похоже, где-то витаєте? – внезапно обратился Добров к оперирующему хирургу. Тот дернулся, как будто его ударили током. – Сядьте, Жанна Афанасьевна, – продолжил главный, – а мы послушаем того, от кого зависел исход данной операции. Итак, доктор Ладога, что произошло после остановки сердца?

⁵ Дети, кухня, церковь.

Я искренне сочувствовала Ване. Он имел приличный опыт работы и считался в отделении хирургии одним из «подающих надежды». Операция, честно говоря, была плевая, и то, что случилось, просто не должно было произойти!

– Была произведена полная реанимация, – деревянным голосом ответил Ваня на вопрос Доброва. – Сначала мы подумали, что у пациентки побочная реакция на лидокаин, но оказалось, ей вкололи три миллиграмма эпинефрина один к тысяче вместо лидокаина с эпинефрином один к ста тысячам...

– То есть, – опасно тихим голосом прервала хирурга Охлопкова, – вы говорите нам, что пациентке ввели летальную дозу адреналина?!

– Д-да...

– Как это могло случиться? – снова встрял Добров. – Мне всегда казалось, что люди, работающие в *моей* больнице, обладают достаточной квалификацией, чтобы не совершать подобных ошибок! Как вы объясните случившееся, Иван Денисович?

– Препараты обычно помещают в стерильные чашки, откуда они наливаются в шприцы. Каким-то образом чистый эпинефрин оказался налит в чашку с надписью «лидокаин с эпинефрином»...

– Каким-то образом?! – протянул Добров. – Интересно, каким? Кто допустил ошибку, стоившую пациентке жизни?

– По-видимому, анестезистка...

– Неправда! – раздался возмущенный выкрик.

Вскочившую вслед за этим Киру Шемякину я знаю слишком хорошо, чтобы поверить в сказанное Ладогой. Ее нельзя назвать новичком: Кира старше меня, и у нее никогда не случалось проколов. Она известна своей аккуратностью, и каждый анестезиолог знает, что может полностью на нее положиться.

– Вы что-то сказали? – спросил Добров. Вопрос, а главное, тон, которым он был задан, призваны были внушить анестезистке священный страх, но главный не на ту нарвался: Шемякина никого не боится, и Добров, насколько мне известно, не числится у нее в авторитетах.

– Сказала! – с вызовом ответила она. Кира маленького роста, но сейчас она стояла, выпрямив спину и вздернув подбородок, отчего казалась выше и внушительнее. – Я не могла ничего перепутать: то, что в шприце оказался не тот препарат, – чистой воды саботаж!

– Побойтесь бога, Кира Васильевна! – не выдержала Охлопкова. – Кому могло понадобиться намеренно устраивать такое?!

– Может, кто-то хочет дискредитировать бригаду? – ничуть не смущаясь, пожала плечами анестезистка.

– «Кто-то»... – пробурчал Добров. – Разве вы сами не видите, что несете чушь? Ошибка совершенна, и виноваты все! Ну, кто еще у нас в бригаде?

– Ординатор, – ответил Ладога. – Гурген Мелидульян.

Оглянувшись на парня, я увидела, что он вжался в кресло, вцепившись руками в подлокотники. Зря он испугался, ведь всем ясно, что с него взятки гладки: он в больнице никто и звать никак, а потому никакой ответственности априори не несет. Зато Ладоге и Жанне действительно есть чего опасаться.

– А теперь напомните нам, доктор Ладога, – вкрадчиво проговорил Добров, – на предмет чего к вам обратилась данная Нина Митина?

Иван опустил глаза и некоторое время изучал носки собственных ботинок. Затем он произнес нетвердым голосом:

– Ей требовалось удаление рубцовой ткани.

– Возникшей в результате... – продолжал давить главный, сверля хирурга недобрым взглядом.

– Собачьего укуса, – едва слышно проговорил Ладога, не глядя на Доброва.

– То есть, – повышая голос, резюмировал тот, – к вам обратилась пациентка, которой требовалось простейшее хирургическое вмешательство, – собачка ее покусала, видите ли, болонка или йоркширский терьер, *не* ротвейлер! И вы, доктор Ладога, вместе с Жанной Афанасьевной и своей славной бригадой утробили двадцатилетнюю девушку во время плановой операции!

Тишина, повисшая в аудитории, казалась мертвой. Никто не кашлянул, не вздохнул, не охнул – было так тихо, словно все мы находились в открытом космосе.

– В общем, так, – подытожила Охлопкова. – Мы проведем тщательное расследование и выясним причины гибели пациентки. А пока что я отстраняю от работы вас, Жанна Афанасьевна, и вас, Кира Васильевна. Надеюсь, заведующий хирургией сам разберется со своими кадрами.

По окончании рабочего дня я поскреблась в дверь Охлопковой. Увидев меня, она удивленно вскинула брови.

– Только не говорите, что и у вас что-то случилось, Агния Кирилловна! – умоляюще воздев руки, воскликнула она.

– На самом деле... То, что произошло с Жанной, должно было произойти со мной.

– Вы о замене? – прервала меня заведующая. – Не говорите глупостей: вы опросили пациентку как положено, оставили отчет для Рыковой, а вина целиком лежит на бригаде. Вы не принимали участие в операции, предупредив меня заранее, поэтому...

– И все же это я должна была давать наркоз! – упрямо перебила я. – Это должно было произойти *со мной!*

Охлопкова сняла очки, сложила дужки и устало потеряла переносицу.

– Радуйтесь, что не с вами, – со вздохом произнесла она. – Неизвестно еще, чем это закончится: отец умершей нанял адвоката, и я уже имела с ним неприятную беседу. Семья грозит подать в суд и требовать с больницы компенсацию – это уже не говоря о резонансе: кажется, пациентка занималась журналистикой, и ее коллеги по цеху могут попортить нам нервы!

* * *

Дома я не находила себе места от волнения. Покормив Анютку, прибрала в гостиной и хотела помочь Ларисе с готовкой, но она отвергла мое предложение.

– Слушай, отдохни, а? Ты как маятник, честное слово, – в глазах от тебя рябит! Вот папа придет, может, это тебя успокоит?

Андрей не мог не заметить, что со мной творится. В отличие от Олега, который всегда умел утешить, когда мы жили вместе, Андрей несколько суховат в том, что касается выражения чувств, но мне иногда кажется, что это оттого, что он просто не знает, как помочь.

– Ты ни в чем не виновата, – сказал он, когда я вкратце изложила причины своего беспокойства. – Радуйся, что избежала неприятностей!

Слово в слово Андрей повторил сказанное Охлопковой, но это ничуть меня не ободрило.

– Скорее всего, виновата анестезистка, – продолжал он между тем. – Перепутала – с кем не бывает? Ну, и Жанне твоей достанется, ведь это она отвечает за работу своей медсестры!

Я знала, что Андрей прав, но легче от его правоты не становилось. Я привыкла работать с Кирой и верила ей, как самой себе – как она могла допустить фатальную оплошность? Конечно, на плечи анестезистки ложится слишком многое. В ее обязанности входит проверить работу аппаратуры, ввести премедикацию, транспортировать пациента на операционный стол, добиться вены (что порой бывает весьма затруднительно), подготовить «всечтоблежалонастоленаслучайчего», менять системы, составлять карту анестезии, после наркоза разбудить, удалить из дыхательных путей маску-трубку, транспортировать больного в палату, списать наркотики... Короче, как в фильме «Белое солнце пустыни» – и все одна! Стоит ли удивляться

случающимся порой сбоям? Но проблема в том, что раньше у Киры сбоев не было. У других – да, но Киру я «дрессировала» почти двадцать лет, мы идеально сработались и понимали друг друга с полуслова. Допускаю, что с Жанной у нее нет такого взаимопонимания, но этот факт не мог отразиться на ее профессионализме! Я ценю Киру за то, что она умеет производить многие манипуляции, недоступные большинству ее коллег. Она отлично ставит периферические вены и ларингеальные маски, делает некоторые регионарные блокады и, в принципе, может легко без меня провести анестезию! Кстати, к столу препараты набирать она меня даже не подпускает – не ваше, мол, доктор, это дело. А уж если меня не подпускает, то о Жанне и говорить не приходится... Выходит, виновата все-таки Кира?

– Знаешь старинную легенду об анестезистках? – вдруг спросил Андрей, видимо, пытаясь меня развеселить и отвлечь от внутренних терзаний.

– Старинную? – переспросила я.

– В далекой древности у анестезисток было много рук, как у индийского бога Шивы. Одна пара – чтобы ларингоскоп и трубу подавать, вторая пара – подключ ставить помогать, следующая пара – карту вести, другая пара – больного трясти, еще одна – анестезиологу рюмку наливать... Разгневался как-то Бог, так как на дежурствах народ впадал в блуд и пьянство великое, и оторвал анестезисткам одну пару рук. В другой раз Бог разгневался, потому что карты больных плохо ведутся, и оторвал им еще одну пару. И так, мало-помалу, все меньше и меньше рук становилось у бедных анестезисток. Вот с тех самых пор у них всего *четыре* руки.

Я вежливо улыбнулась, не желая расстраивать Андрея: в конце концов, он же старается!

– Я больше за Жанну переживаю, – сказала я вслух. – С Киры взятки гладки, а вот Жанна...

– Ты же знаешь, что с анестезистками анестезиолог обязан соблюдать принцип: нет бога, кроме контроля, и перепроверка – пророк его! Что ни говори, ответственность всегда лежит на более квалифицированном специалисте, коим, безусловно, является твоя Жанна.

Это так, и все же нельзя отрицать того, что могло быть и по-другому. Анестезистки, как и все медсестры, делятся в нашей больнице на два состава – условно «старый» и «новый». Молодежь требуется всему учить и контролировать каждый их шаг, а вот с «ветеранами» вроде Киры молодому врачу приходится туго. Они полагают, что все знают лучше врача, и даже пытаются подменять его функции! Давая наркоз, они могут сказать, к примеру: а давайте мы не будем вводить такой-то препарат? Может, дозу уменьшим? Может, заменим препарат А на препарат Б? Случается даже, что молодой анестезиолог просит анестезистку вколоть одно, а она вкалывает другое под предлогом того, что сибазон, скажем, нужно списывать в журнале, за которым требуется подниматься на несколько этажей выше. Абсурд? Согласна, но все зависит от того, пользуется ли данный врач авторитетом, а где его взять, если ты недавно со студенческой скамьи? В нашем деле жизненно необходимо соблюдать дистанцию со средним медперсоналом. Я знаю, что многие из них не любят меня за то, что я держусь с сестрами на расстоянии, всегда обращаюсь к ним на «вы» и никогда не сяду с ними за общий стол, предпочитая общество равных себе. Слышала не раз, что за глаза меня называют снобом, но мне плевать: субординация решает все. Когда «анамнез» совместной работы превышает десятилетие и включает совместные пьянки-гулянки, которых я намеренно избегаю, тяжело сохранить деловые отношения. Знаю, что поэтому не каждая анестезистка с удовольствием работает со мной, да и сама я предпочитаю, так сказать, постоянный состав, поэтому Кирой да еще парочкой других и исчерпывается мой «ближний» рабочий круг.

– Тебе необходимо отвлечься, – сказал Андрей, видя, что я снова задумалась. – Помнишь дело, о котором я упоминал?

– Женщину, которой опухолевый материал ребенка никак не получить?

– Точно. Может, займешься завтра?

Что ж, завтра я свободна... Если, конечно, может считаться свободной женщина с младенцем на руках, постоянно требующим заботы и внимания. К счастью, моя Анюта – спокойная девочка. Сравнивая ее с Дэном, я не устаю удивляться различию в их темпераментах. Сынуля во младенчестве отличался капризностью, хотя годам к двум – как рукой сняло, к моему и маминому облегчению. Анютка же, напротив, молчалива и большей частью довольна жизнью. Означает ли это, что с возрастом она еще себя покажет и даст нам прикурить?

– Я посижу с девочками, – с готовностью поддержала отца Лариса. – Ты же вернешься к трем, а мне на работу только к половине четвертого!

– Да я раньше вернусь, – пробормотала я, считая, что такое простое дело не может занять больше пары часов. – Хорошо, Андрей, давай мне ее телефон!

* * *

Ирина Попкова оказалась не такой, как я себе представляла. Молодая, около тридцати, худенькая, похожая скорее на уставшую старшеклассницу, нежели на мать одиннадцатилетнего мальчика, она заискивающе улыбнулась мне, как только я представилась. По всему видно, что ей пришлось пройти не одну инстанцию, где мало кто был заинтересован вникнуть в проблему. Отсюда и эта улыбка, и нервные, суетливые движения, когда она на ходу подбирала вещи, разбросанные ребенком, провожая меня в гостиную.

– Извините за беспорядок, – растерянно оглядываясь, сказала Ирина. – С утра собирала Алешку на экскурсию...

– Все в порядке, – перебила я. – Сама виновата, что предупредила вас всего час назад, – это вы извините!

– Значит, вы работаете в Отделе медицинских исследований? Тяжелая, наверное, работа!

– Непростая, – согласилась я. – Андрей Эдуардович вкратце обрисовал мне вашу проблему. Вам не удастся получить опухолевый материал сына из Института радиологии, так?

Она кивнула.

– А зачем вообще это понадобилось? Насколько я понимаю, Алешу успешно прооперировали на предмет удаления опухоли Вильмса.

– Успешно, да, – снова закивала она. – Только теперь у моего сына всего одна почка.

– К сожалению, это была единственная возможность при его диагнозе.

– В том-то и дело! Понимаете, я вовсе не уверена в том, что диагноз был поставлен правильно.

Вот это уже интересно!

– Что заставляет вас сомневаться?

– С самого начала все шло как-то не так. Вообще-то, мы обратились к врачу из-за того, что Алешу избили в школе.

– Избили?! Кто?

– Одноклассники.

– Да ведь им же одиннадцать лет всего!

– Тем не менее они его избивали, причем жестоко – ногами.

– Боже мой, куда мы катимся! – едва слышно пробормотала я.

– Я, конечно, побежала к классной руководительнице, поругалась с ней, но это совершенно бесполезно: она сама натравливает детей друг на друга, такой уж человек!

– Этот «человек», между прочим, в школе работает! – с возмущением воскликнула я. – Если вы все это знаете, почему не жалуетесь? Скандалить с классной руководительницей – это одно, а написать жалобу на имя директора...

– Так они с директрисой закадычные приятельницы! – всплеснула руками Ирина.

- Ну, есть же и другие пути, – возразила я. – Комитет образования, например?
- Я уже решила перевести сына в другую школу, но в данный момент у меня проблемы посерьезнее.
- Вы показали ребенка врачу после избиения?
- Сначала нет. Алешка не жаловался, все быстро заживало. А через пару недель вдруг стал говорить, что у него болит живот и ноет поясница. Вот тогда-то я по-настоящему забеспокоилась, и мы пошли к доктору. Тот назначил обследование. Поначалу поставили диагноз – ушиб почки, но после почему-то засомневались и сделали еще одно УЗИ. Потом нас послали в институт радиологии, а затем – в НИИ онкологии имени Петрова, к доктору Нинель Георгиади.
- Это она поставила окончательный диагноз?
- Да.
- Простите, я, конечно, не специалист по раковым заболеваниям, но опухоль Вильмса...
- Вы правы, – перебила Ирина. – Опухоль Вильмса обычно выявляется у детей до шестилетнего возраста – я досконально изучила этот вопрос. Когда сказала Георгиади, она только плечами пожала и заявила, что нефробластома действительно характерна для маленьких детей, но и у более старших далеко не редкость.
- Ну, ей лучше знать, она же узкий специалист.
- Она торопила нас, говорила, что медлить нельзя, пока размер опухоли невелик, а им как раз «сбросили» квоты на Вильмса, то есть операцию можно сделать бесплатно. В противном случае все равно придется ее делать, но за деньги, а это сотни тысяч рублей! У меня, естественно, таких денег никогда не было и вряд ли они появятся. Отец Алешки тоже на меня наседал. Знаете, прихожу я на консультацию к Георгиади, а там сидит мой бывший, и они вдвоем как накинулись...
- С чего это? – удивилась я.
- Георгиади орала, что натравит на меня опеку, если я откажусь от операции!
- С какого перепугу?
- Слова об органах опеки заставили меня скривиться: именно сейчас, когда предстоит тяжба с бывшим мужем в отношении Анютки, я даже слышать о них не могу!
- Дескать, я подвергаю опасности жизнь ребенка, – объяснила Ирина.
- Вот как!
- Они с мужем наперебой принялись меня убеждать в том, что промедление смерти подобно и что такой шанс с квотированием представляется нечасто... В общем, я согласилась. Операция прошла удачно, и я надеялась, что все позади.
- Как функционирует вторая почка? – поинтересовалась я.
- Алешка быстро утомляется. Раньше он был подвижным ребенком, бегать любил, шустрый такой... Теперь чуть пробежится – холодный пот.
- Вы с врачом консультировались?
- Георгиади выписала нас в поликлинику. Лечащий врач говорит, что это нормально: должно, мол, пройти время, чтобы единственная почка успела взять на себя функции утраченной... *Утраченной*, так они говорят!
- Я все-таки не пойму, Ира, что вас смущает? Операция прошла, идет восстановительный период. Врач права: реабилитация требует времени.
- Я же вам еще не все рассказала! После операции прошло полгода, и тут ко мне заявляется журналистка и начинает расспрашивать об Алеше.
- Журналистка? – удивилась я. – Чем ее заинтересовал ваш случай?
- Она заявила, что ведет журналистское расследование в отношении НИИ Петрова. Нина, так журналистку зовут, сказала, что опросила родителей маленьких пациентов и у нее появились подозрения, что некоторым из них вовсе не была показана полная нефрэктомия!

– Как, интересно, она пришла к такому выводу, не будучи медиком? – недоверчиво спросила я.

– Нина сказала, что одна родительница, не удовлетворенная диагнозом, добилась получения опухолевого материала своего ребенка и сдала на независимую экспертизу. Выяснилось, что никакого Вильмса и в помине нет, а у ее дочери была онкоцитома!

– То есть не рак, а доброкачественная опухоль?

– Точно! Причем ее вполне можно было выявить при УЗИ или КТ – не бог весть какая сложная диагностика! Тогда и я засомневалась. Выяснила, что для точной диагностики опухоли Вильмса нам должны были провести скинтиграфию костей, изотопную рентгенографию и комплексное ультразвуковое исследование внутренних органов. На самом же деле мы только сдали кровь на общий и биохимический анализы, мочу и КТ почек, после чего Георгиади сразу сказала, что нужна биопсия.

– В принципе, такое возможно – если картина и так ясна, – задумчиво проговорила я.

– Но дело в том, что нам сначала поставили почечно-клеточный рак – опухоль Вильмса возникла потом. Я узнавала: микроскопически онкоцитома похожа на ранние стадии почечно-клеточного рака, и ее часто относят к предраку почки и рекомендуют удалять хирургически...

– Однако для этого не требуется полная нефрэктомия! – закончила за женщину я.

– Точно! При выявлении доброкачественной опухоли обычно предлагают понаблюдать за ней, периодически проходя компьютерную томографию и УЗИ, особенно в случае маленьких размеров опухоли. Затем может потребоваться резекция почки, но ведь резекция – это не удаление всей почки целиком, а лишь ее пораженного участка, понимаете? Возможно, мой мальчик стал инвалидом только потому, что я поддалась на уговоры и угрозы и поторопилась с операцией! А теперь я вообще думаю...

Ирина вдруг замолчала, и я с беспокойством посмотрела на нее.

– Что вы думаете?

– А вдруг у Алешки не было никакой опухоли? Вдруг это была гематома, а врачи отправили нас на операцию, как будто почку удалить так же просто, как избавиться от больного зуба? Конечно, это же не их ребенок!

– Ира, вы неправы, вешая на врачей всех собак, – покачала я головой. – Ошибки случаются, но в большинстве случаев они делают все возможное для спасения жизни и здоровья пациента!

– Ну да, вы же тоже врач, – вздохнула молодая женщина, сжимая в кулаки лежащие на коленях руки. Я мельком отметила, что эти натруженные, узловатые руки могли бы принадлежать кому-то гораздо старше, чем Ирина. – Корпоративная солидарность!

– Вовсе нет, – возразила я. – ОМР и создавался, чтобы то, о чем вы говорите, не мешало объективному разбирательству. – Если выяснится, что ваши подозрения не беспочвенны, мы сделаем все для установления истины. Однако пока что ваши утверждения голословны.

– Вот потому-то я и хочу получить опухолевый материал, который «зажилили» в НИИ радиологии! Но это опять не все, Агния Кирилловна, – подавшись вперед и зачем-то понизив голос, добавила Ирина. – Вполне вероятно, речь идет вовсе не о врачебных ошибках, а о намеренном подведении пациентов к операции!

– Да кому это может понадобиться? – изумилась я. – Какой врач направит пациента в хирургию без видимых причин?

– Это все мне Нина рассказала. Оказывается, в НИИ Петрова в то время появились квоты на Вильмса, вот они и гнали всех, кого ни попадя, на операции, кто более или менее по диагнозу подходил. Тогда многих детишек прооперировали, а потом стали всплывать факты, говорящие о том, что на самом деле о Вильмсе и речи не шло!

– Вы хотите сказать, – медленно проговорила я, – что врачи, желая получить деньги по квотам, делали пациентам полную нефрэктомию, не имея для этого достаточных оснований? Это же абсурд!

– И еще кое-что. Когда я попыталась в первый раз выщарапать Алешкин опухолевый материал, мне сказали, что отправили его на исследование в лабораторию в Чехию, представляете?!

– Зачем?

– Вот и я себя спрашиваю, зачем? Если все и так было ясно с диагнозом, то в чем проблема – зачем отправлять материал за границу?

– Вы получили ответ?

– О, это целая история! Дело тянулось месяцами, а потом мне посоветовали действовать не через НИИ радиологии, а напрямую. Я составила официальный запрос, и мне пришел ответ. Угадайте, что в нем было написано?

– Даже не представляю! – честно призналась я.

– Онкоцитомы!

– Вы показали письмо Георгиади?

– Конечно. Она сказала, что в лаборатории могли и ошибиться. И добавила, что не имеет большого значения, был ли у Алешки Вильмс или онкоцитомы – лечение все равно одно: нефрэктомия, потому что даже при доброкачественной опухоли существует риск перерастания ее в злокачественную. Кроме того, Георгиади утверждает, что в настоящее время нет клеточной классификации, помогающей отличить онкоцитому от почечно-клеточного рака, поэтому ошибка при диагнозе возможна. Однако она все же уверена, что не ошиблась, валит все на некомпетентность чехов и считает себя правой. Говорит, что благодетельствовала нас, выбив квоту, и что без операции Алешки, скорее всего, уже не было бы на этом свете! Георгиади не смутил ни тот факт, что Вильмса обычно ставят детям до пяти-шести лет, а Алешке на время операции уже было десять, ни то, что из Чехии пришел другой диагноз. В последний раз, когда я пришла с ней поговорить, Георгиади вообще отказалась меня принять и захлопнула дверь перед самым носом, сказав, что у нее, дескать, операция назначена!

* * *

– Ерунда какая-то! – воскликнул Андрей, когда я передала ему содержание разговора с Ириной Попковой. – Это даже не некомпетентность, а преднамеренное преступление! Ты можешь себе представить, чтобы врачи, как бы они ни нуждались в деньгах, пошли на удаление почки у ребенка, только чтобы положить в карман лишние пару тысяч?

И все же беседа с Ириной заставляла задуматься. Львиную долю доходов хирурги получают именно от квот. Когда они «сбрасываются», все «жируют» – и я в том числе, потому что в нашей больнице принято распределять квоту на всех членов бригады. Оперировавший хирург получает большую часть – от семи до десяти и более процентов, остальные – меньше. Мне известно, что в некоторых больницах дело поставлено по-другому: деньги от квот получает только оперировавший хирург, а иногда заведующий отделением требует, чтобы ему отстегивали долю, независимо от того, принимает ли он участие в операции. Но чтобы резать людей без разбора только ради денег – такое мне и в страшном сне не могло присниться!

– Значит так, – сказал между тем Андрей. – От тебя требуется одно – забрать опухолевый материал из НИИ радиологии. Я не верю этой экзальтированной мамаше, особенно после того, как ты упомянула о вмешательстве журналистки: чего только они не выдумают, чтобы состряпать очередную «сенсацию»! Сделаем анализ, успокоим мать – и на этом наша миссия закончится.

– Ты так уверен, что мы ее успокоим? – спросила я задумчиво.

– Ты о чем?

– Что, если результат покажет отсутствие Вильмса?

– Как правильно сказала та врач, Георгиади, могла иметь место ошибка. В этом случае мы примем меры, и все, кто виноват, за это ответят. Такой расклад тебя устраивает?

Как и я, Андрей болезненно воспринимает проблемы медицинского сообщества. Любой человек имеет право на ошибку, только в нашем случае она часто чревата серьезными последствиями, включая смерть больного. Как говорится, повар прячет свои ошибки под соусом, а врач – под землей... Слава богу, в данном случае речь не идет о гибели пациента!

– Ты меня поняла, Агния? – спросил Андрей.

– В смысле?

– Не надо поднимать волну, потому что информацию, имеющуюся у нас, нельзя считать достоверной. ОМР – не самая приятная для врачей организация, и вмешиваемся мы только в крайнем случае. Нам вовсе не нужно, чтобы нами пугали студентов-медиков, понимаешь?

Я понимала. Кроме ОМР, только Комиссия по врачебной этике вызывает у медиков рвотный рефлекс – примерно так же, наверное, чувствуют себя полицейские, работающие в отделе внутренних расследований: их боятся и тихо ненавидят. Для меня не секрет, что некоторые из моих коллег косо на меня поглядывают из-за моей второй работы и опасаются при мне лишнее слово сказать.

Может, и в самом деле расследовать нечего – разве впервые диагностика хромает и диагноз меняется? Я не онколог, но понимаю, что в большинстве случаев удаление пораженного органа целиком – единственный способ избежать рецидива. Это если речь идет о раке. А если нет? Надо бы встретиться с журналисткой, которая беседовала с Ириной, – вдруг у нее есть нечто большее, чем слухи и предположения? В конце концов, чтобы напечатать такой материал, необходимы веские доказательства!

– Тебе звонила Абель, – сменил тему Андрей. – Она отказалась говорить со мной и потребовала, чтобы ты перезвонила.

Так я и сделала.

– Агния, с кем вы оставляли дочь, когда уходили? – сразу после приветствия спросила адвокат.

– Откуда вы знаете, что я вообще уходила?!

– Неважно. Важно то, что ваш бывший муж об этом знает, и ему известно, что вы снова пользуетесь услугами Ларисы Лицквичус, а это абсолютно недопустимо!

– Лариса – хороший человек и замечательная мать!

– Поверьте, лично я не имею никаких претензий к вашей падчерице, однако вы сами видели, как этот факт используют адвокаты господина Шилова! Думаю, вам нужно поскорее найти платную няню из приличного агентства, чтобы у наших противников не осталось козырей.

– Найти няню не так-то просто, – пробормотала я, вспоминая, как мы с Андреем лично встречались с более чем десятком дам, претендующих на это место, и в результате отказались от этой мысли.

– Понимаю, – вздохнула Абель. – И все же вам придется постараться: похоже, ваш бывший намерен идти до конца, и в этой борьбе он использует все дозволенные и недозволенные средства!

Повесив трубку, я опустила на пуфик и задумалась.

– Ей не нравится Лариса? – тихо спросил Андрей.

– Не ей, – покачала я головой. – Дело не в твоей дочери, она замечательная... Проблема в том, что помимо нее у Олега есть много доказательств того, что я – неблагонадежная мать!

– Чушь! – воскликнул Андрей. – Если ты *неблагонадежная*, то кто тогда *благонадежная*?!

– Та, которая следует принципу «работа – дом» и не подвергает свою жизнь опасности.

– Значит, ты не станешь этого делать. Больше никаких расследований, встреч с потерпевшими и прочее – я забираю у тебя дело. С тем же успехом получить опухолевый материал может Леонид или, скажем, Денис... И это не обсуждается! – резко закончил он, заметив, что я собираюсь возразить.

* * *

В отделении никто не обсуждал недавнее печальное происшествие, никто не упоминал имени Жанны – словно и не работала у нас такая анестезиолог. Тем не менее все понимали, что круги по воде будут идти еще долго, ведь больнице светит судебный иск, и, похоже, дело малой кровью не обойдется. Работая в ОМР, я знаю, как трудно привлечь к ответственности медицинского работника. Ни главврачу, ни заведующим отделениями невыгодна огласка: они готовы пойти на все, чтобы скрыть вину врача. Порой для этого даже переписываются истории болезни, однако в данном случае я сомневалась, что дело выгорит: слишком уж очевидна ошибка при введении наркоза. У пациентки не было аллергии и никаких сопутствующих заболеваний, на которые можно списать ее смерть. Девушка была молода и совершенно здорова, и вскрытие, несомненно, покажет, что произошло на самом деле!

В обеденный перерыв меня вызвала Охлопкова.

– Агния Кирилловна, вам нужно написать характеристику на Рыкову, – без обиняков начала она. – Вы знаете ее лучше всех, знакомы с ее семейной ситуацией... и все такое.

– А при чем здесь ее семейная ситуация? – не поняла я.

– Ну, если выяснится, скажем, что Рыкова по какой-то причине находилась в стрессовом состоянии... Может, это ей поможет?

Елена в своем репертуаре, пытается выгородить подчиненную, используя любые средства!

– Значит, суд все-таки состоится? – спросила я.

– Отец покойной потребовал выдать ему тело для независимой экспертизы, а его адвокат определенно дал понять, что нашей больнице в этом вопросе веры нет.

– Что грозит Жанне?

– Ну, в конце концов, чашки перепутала не она, а анестезистка... Мне казалось, вам нравится работать с Шемякиной?

– Это правда, – согласилась я. – Ума не приложу, как она могла так опростоволоситься!

– Может, вам известно что-то, могущее оправдать ее небрежность?

– Да нет, ничего такого. Просто мне трудно поверить...

– Жаль, жаль, – словно не слыша моих последних слов, пробормотала Охлопкова. – Это могло бы...

– Значит, Киру могут привлечь за халатность?

– Вполне. Наши юристы уверяют, что Рыкова лишь выступит в качестве свидетеля, но, боюсь, у нас ей не работать: Добров не любит оставлять у себя людей с подмоченной репутацией.

– А Ладога?

– Ну, у нас тут не Америка! – развела руками Охлопкова. – Там, скорее всего, его бы тоже поперли, однако Ладога – отличный хирург, и зав хирургией его просто так не отдаст. Опять же, то, что пациентка скончалась, – вина анестезиологии, а Ладога... Он просто слишком положился на нас.

– А как же доктрина «капитан корабля»? – задала я вопрос.

– Вы о том, что за всю бригаду отвечает оперирующий хирург? Как я уже говорила, Агния Кирилловна, у нас тут не Штаты: там существует определенный кодекс поведения, расписаны

шаги, которые персонал больницы и администрация обязаны предпринять в каждом конкретном случае. У нас же все решает человеческий фактор.

– Вы имеете в виду связи и отношения?

– Вы меня поняли.

Едва дождавшись конца рабочего дня, я позвонила в агентство, адрес которого мне подкинула подруга. У нее три дочери, а потому проблема нянь была в ее жизни одной из самых животрепещущих.

– Позвони, – сказала она в ответ на мое недоверчивое мычание. – Они – как раз такое агентство, которое несет ответственность за своих няnek: не представляешь, как я в свое время намучилась, пока их не нашла!

Любезная дама ответила по телефону, что ей нужно обязательно встретиться со мной лично и обговорить требования к будущей няне. Звякнув домой и убедившись, что с Анютой все в порядке (в этот день Лариса работала, и за девчонками вызвался присмотреть Дэн), я отправилась на Литейный, где и располагалась данная контора. Встретили меня выше всяких похвал, тут же подали кофе с печеньем, и немолодая, очень приятная женщина раскрыла ноутбук. Она быстренько зарегистрировала меня, задавала массу вопросов, включая мои требования к национальности няни, ее образованию и наличию собственных детей.

– Знаете, – сказала я, – подруга, ваша бывшая клиентка, рекомендовала мне Антонину Пилюгину...

– Ах, Тонечку! – одобрительно закивала администратор. – Да, ею у нас все довольны. Что ж, надо проверить, чем она сейчас занимается – возможно, вам и повезет!

Закончив в агентстве, я решила сделать еще одно дело. Это было необходимо лично мне, для успокоения совести. Хотя я и пыталась убедить себя в том, что не виновата в случившемся с несчастной пациенткой, мне это не удавалось. Вот почему я решила съездить к Кире – в конце концов, мы проработали бок о бок много лет. Нельзя сказать, что мы близки. Кира относится к тому типу людей, которые предпочитают держать свои проблемы при себе, но я подумала, что она заслуживает по крайней мере сочувствия с моей стороны. Втайне я лелеяла надежду, что мне удастся выяснить у Кире причины ее невнимательности, ведь Охлопкова ясно дала понять, что хорошо бы получить такие сведения.

Кира была мне рада.

– Да вы проходите, Агния Кирилловна, – пригласила она, закрывая дверь. – В гостиную – я там только что все намыла, начистила!

В самом деле, на Кире красовался цветастый передник, джинсы она закатала до колен, а волосы собрала в тугий узел на затылке. Кира всегда походила на маленькую печальную птицу, но сейчас, в этом домашнем прикиде, сходство стало почти полным: грач, ни дать ни взять!

Гостиная сияла чистотой. Я поняла, что анестезистка затеяла уборку, чтобы отвлечься от неприятных мыслей – я сама частенько так поступаю.

– У вас уютно, – заметила я, оглядываясь. Комната была небольшой, оформленной в пастельных тонах, так, чтобы ничто не бросалось в глаза и не раздражало.

– Стараюсь, – скромно улыбнулась она. – Но вы ведь пришли не для того, чтобы посмотреть, как я живу? Хотите, наверное, спросить, как так вышло, что девочка умерла, да?

Что ж, не надо быть детективом, чтобы догадаться.

– Так вот что я вам скажу, Агния Кирилловна, – не дожидаясь ответа, продолжала Кира. – Я тут ни при чем: в жизни не допустила бы подобного ляпа!

– То есть вы утверждаете, что это – не ваша ошибка?

– Разумеется, нет!

– Но кто имеет доступ к препаратам, кроме вас и Жанны? Вы ведь даже мне не позволяете вмешиваться во время подготовки анестезии!

– У вас не было повода! – буркнула Кира. – Разве я когда-то не оправдала ваших ожиданий?

– Нет, – вынуждена была признать я. – Ваша работа всегда отличалась тщательностью и профессионализмом, потому-то я и не могу понять...

– А вы к Жанне присмотритесь, – посоветовала Кира. – У нее ветер в голове – молодая, мужика ей надо, а она в больнице парится целыми днями! И это еще не все.

– То есть? – насторожилась я.

– Временщица она, Жанночка ваша, – буркнула Кира, вытирая мокрые руки о передник.

– В смысле?

– Вы-то с ней не работаете, только языками чешете... Простите, конечно, за прямоту!

– Ничего, продолжайте.

– А чего тут продолжать? Работает она так, словно у нее запасная жизнь имеется!

– Что-то я вас не понимаю...

– Ну, как объяснить? Жанна, по-моему, долго в больнице задерживаться не собирается. Думаю, она себе другое место присматривает или уже присмотрела.

– Почему вы так решили?

– Есть признаки, – уклончиво ответила Кира. – А про меня вы плохо не думайте, Агния Кирилловна, – не виновата я в смерти девочки, богом клянусь!

Разговор с Кирой, вопреки ожиданиям, ничего не прояснил. Напротив, я выходила от нее с неприятным ощущением того, что женщина пытается выгородить себя, очернив Жанну. Я всегда считала анестезистку объективным человеком... Хотя, когда речь идет о спасении собственной шкуры, наверное, все средства хороши!

* * *

Нинель Виссарионовна Георгиади пристально рассматривала мужчину, сидящего напротив. Выглядел он внушительно, но она еще не решила, насколько опасным он может оказаться. Опасным для нее. Высоченный, атлетически сложенный, он тем не менее не походил на человека, тупо увлеченного спортом. Темно-синий костюм в тонкую полоску сидел безупречно, но отсутствие галстука говорило о пренебрежении к общепринятым нормам. Черные волосы, каким-то чудом удерживающие вертикальное положение, презрев силу земного притяжения, блестели в искусственном свете лампы, кожа была гладкой и смуглой, отчего Георгиади затруднялась определить возраст визитера. Его глаза, которые казались даже чернее волос, но взглядом с ним было практически невозможно встретиться. Когда мужчина сел, рукава его пиджака слегка приподнялись, и Нинель Виссарионовна заметила на загорелом запястье правой руки широкий золотой браслет – явно не от часов. И этот щеголь с лицом модели Армани представился Леонидом Кадреску и равнодушно продемонстрировал ей удостоверение работника Отдела медицинских исследований! Георгиади слышала о них, хотя, слава богу, ни разу не сталкивалась. Вот, кажется, пришел и ее черед. Прямо скажем, не самое приятное событие!

– Итак, – продолжил посетитель, – вы считаете свой диагноз правильным?

– Да, – резко ответила Георгиади, сжимая в пальцах ручку с такой силой, что та жалобно закричала. – Я успешно провела операцию, ребенок практически здоров, а через несколько лет, когда вторая почка начнет работать за обе, он и думать забудет об операции.

– Это если в течение жизни с ним ничего не произойдет и вторая почка не пострадает, – заметил Кадреску.

Интересно, подумала Нинель Виссарионовна, у него всегда такой вид, словно он гуталина наелся – ишь, как кривится!

– Ну, кто же может предсказать будущее, – стараясь скрыть раздражение, пожала она плечами. Не стоит портить отношения с этим Отделом – ходят слухи, что они ребята хваткие и

если уж вцепятся, то обглодают жертву, как пираньи, оставив голый скелет. Интересно, нельзя ли наладить с ним более тесный контакт во избежание дальнейших неприятностей?

– И все же в чешской лаборатории с вами не согласились, – добавил между тем Кадреску.

– На вашем месте я бы не стала так уж слепо доверять этим результатам.

– Но в Институте радиологии им доверяют, иначе зачем было отправлять опухолевый материал за тридевять земель?

– Как всегда с детьми – просто перестраховались. В любом случае мальчика ждала полная резекция, иначе можно было ожидать перерастания опухоли в злокачественную!

– То есть вы допускаете, что ошиблись?

Черт, да он бульдог! Георгиади втянула в легкие побольше воздуха и ответила:

– Нет, не допускаю: мой диагноз правильный, и я уверена, что любые специалисты его подтвердят!

– Рад за вас, – холодно кивнул Кадреску. – Потому что перед визитом сюда я заехал в Институт радиологии и забрал материал Алексея Попкова. Надеюсь, ваш диагноз подтвердится.

Что-то подсказывало Нинель Виссарионовне, что он надеется ровно на обратное. И почему ей так «повезло»? Годы безупречной работы, международные конференции, симпозиумы, две книги, изданные не только в России, но и за рубежом – и вдруг такое! Ну чего этой мамаше не сидится? Мальчишка через некоторое время полностью оправится, а вот ее собственная репутация может незаслуженно пострадать!

Тем временем Кадреску следил за напряженной работой мысли, отражавшейся на лице собеседницы. А лицо у нее было подвижное и интересное. Даже самый лстивый критик не назвал бы Георгиади красоткой, но было в ней что-то, невольно притягивающее внимание. Внешность явно восточная – хорошо очерченные скулы, острый подбородок, изогнутые дугой ухоженные брови и пронзительный взгляд серых глаз. Минимум морщин: очевидно, женщина следит за собой, а потому, хотя и не выглядит моложе своих сорока девяти лет, отлично сохранилась. Леонид представил себе, какова она в постели – он всегда представлял это, впервые встречаясь с представительницей противоположного пола старше восемнадцати, хотя те, кто моложе тридцати, уже давно его не привлекали. С Георгиади, пожалуй, он бы не отказался от парочки кульбитов... Если бы не работа, конечно: как можно спать с тем, кого рассматриваешь разве что не под микроскопом? Самое интересное, что она, похоже, думает о том же. Леонид разбирался в женщинах и не мог не видеть, с каким интересом смотрит на него собеседница. Больше всех качеств Кадреску ценил в дамах наличие серого вещества, а Георгиади в этом определенно не откажешь. Однако Лицкявичусу бы такое не понравилось. Не то чтобы Леонид боялся расстроить босса, но Андрей был одним из тех немногих, к кому патолог испытывал искреннее уважение, а потому не хотел его разочаровывать.

Что ж, он узнал, что хотел: Георгиади не так уверена в своем диагнозе, как хочет показать, просто она не ожидала, что ее мнение подвергнут сомнению. Перед визитом сюда Леонид изучил «предмет» исследования и пришел к выводу, что хирург окажется крепким орешком. У нее хорошие связи не только в Комитете здравоохранения, но и в министерстве, она знакома с губернатором и даже вхожа в его дом. Это означает, что она сделает все, чтобы выбраться из неприятностей, напряжет всех, кого знает, и, скорее всего, выйдет сухой из воды, даже если виновата.

* * *

– Что же мне делать, Агния Кирилловна? – Жанна была в панике. – Меня уволят, да?

Я сама позвонила ей, по-прежнему не в состоянии избавиться от чувства вины, а она попросила о встрече. Мы пересеклись в кафе «Жили-были» на Невском проспекте. Обычно это место оживленное, но, хотя была суббота, народу оказалось немного.

– Елена Георгиевна говорит, что, если все подтвердится, Добров определенно тебя не оставит, – печально подтвердила я.

– И что тогда? Не так-то легко найти работу в другом месте, особенно если на тебе висит обвинение во врачебной халатности!

– погоди пороть горячку! Еще ничего не известно...

– Да что тут неизвестного-то?! Ошибку могли допустить либо я, либо Шемякина, а Ладога тут вообще ни при чем; если уж начистоту – он, может, и обязан убедиться в том, что все сделано правильно, но вы ведь и сами понимаете, что на практике это совершенно невозможно!

– А как ты думаешь, кто из вас виноват?

– Вы ведь работаете с Шемякиной давно? – вместо ответа спросила Жанна.

Я кивнула.

– Как она... В смысле, она позволяет вам себя проверять?

– В этом никогда не было необходимости.

– Вот именно! Она меня к столу для медикаментов и близко не подпускает – видимо, считает недостаточно компетентной. На первых порах я пыталась спорить, но сами знаете, как Шемякина ведет себя, когда оспаривают ее профессионализм!

– А в тот день ты пыталась проверить, что она готовит для анестезии?

– Да. Но она вела себя агрессивнее, чем обычно. Честно говоря, я решила, что у нее дома нелады – все-таки иметь такого сына...

– Ты о чем сейчас? – насторожилась я.

– А вы не знаете? – Глаза девушки недоверчиво округлились. – У Шемякиной же сын – наркоман!

Надо же: работаешь с человеком, работаешь, а потом внезапно оказывается, что ты его абсолютно не знаешь!

– Ты уверена в том, что говоришь?

– Да все знают, Агния Кирилловна! – развела руками Жанна.

Это все проклятая дистанция, черт бы ее побрал! И в институте, и во время ординатуры анестезиологи не уставали повторять: держи дистанцию со своей анестезисткой, а не то и не заметишь, как вы поменяетесь местами! Страх такой перспективы преследовал меня с первой операции, и я так старалась не допускать фамильярностей, что, похоже, забилась в кокон, из которого ничего не видать. С некоторыми работниками других отделений я общаюсь гораздо ближе, чем с собственными коллегами, и ни разу об этом не пожалела. До этого самого момента.

– Как то, что сын Киры наркоман, могло повлиять на случившееся?

– Да я и не говорю, что повлияло, только в тот день она была злая как собака, на всех покрикивала, даже на Ладугу. Вы ведь знаете его – он парень неконфликтный, потом, опять же, надо скидку на возраст делать: бригада молодая, а Шемякина старше всех, да и в нашей больнице уже лет тридцать работает... Короче, я решила, что дешевле будет оставить ее в покое и позволить заниматься своим делом. Вы говорите, что никогда на нее не жаловались, и я не слышала, чтобы жаловались другие, поэтому... Я, конечно, виновата – надо было на все наплевать и проверить, ведь я видела, что с ней что-то творится!

Я задумалась. Во время визита к Кире мне не показалось, что она находится в расстроенных чувствах, а ведь с момента смерти пациентки прошло совсем немного времени! И она была полностью уверена в своей правоте, пытаясь заставить меня поверить, что Жанна недостаточно внимательна в силу возраста и характера.

– Если это правда, Жанна, – сказала я наконец, – мы во всем разберемся. Я обещаю, что постараюсь выяснить все обстоятельства, и если окажется, что проблема в Шемякиной, думаю, тебе удастся выкрутиться!

– Помогите мне, Агния Кирилловна! – умоляюще сложила руки девушка, с надеждой глядя на меня. – Ей-богу, не виновата я в том, что случилось!

* * *

Но у меня и своих проблем хватало. Не успела я расстаться с Жанной, как позвонила Абель с просьбой о встрече. Неужели мне придется чуть не каждый день видеться с адвокатом – прямо вторая работа! Причем каждая такая встреча изматывает меня гораздо сильнее, чем целый день у операционного стола.

– У меня плохие новости, – сказала она, едва мы поздоровались. Я уже привыкла к такому предисловию, но каждый раз оно резало мне слух, заставляя предполагать всякие ужасы. – Вы нашли няню?

– Еще нет, но я обратилась в агентство.

– Хорошо, это уже прогресс, – похвалила Абель. – Адвокаты вашего муженька без дела не сидят – вот, взгляните, – и она выложила на стол пухлый конверт.

– Что это? – спросила я, боясь прикоснуться, словно оттуда могла выползти гадюка.

Со вздохом Абель сама раскрыла конверт и вывалила на стол пачку снимков. На каждом из них были я или Лариса. Я выхожу из больницы. Я и Лариса идем с колясками по улице. Лариса с двумя колясками на детской площадке...

– Ну, каково? – спросила Абель, испытующе глядя мне в глаза.

– Откуда..?

– Частный детектив, полагаю, – это сейчас модно.

– Но чем эти снимки могут мне повредить? – недоумевала я. – Тут же нет ничего компрометирующего!

– Это на ваш неисклюшенный взгляд, – возразила адвокатша. – А вот как данные фотографии могут быть представлены в суде: вы слишком заняты, чтобы заботиться о ребенке, поэтому постоянно перепоручаете его ненадежной женщине, бывшей наркоманке и сектантке! Думаю, при желании адвокаты Шилова смогут поставить под сомнение слово «бывшая» и найти доказательства того, что ваша падчерица не до конца завязала с прошлым.

– Это невозможно!

– Главное – бросить камень, – усмехнулась Абель. – А потом невинному придется с пеной у рта доказывать, что он не верблюд! Судья – всего лишь человек, и любое сомнение в отношении Ларисы или вас неумолимо склонит чашу весов в сторону вашего бывшего. Поверьте мне, я в этом деле не первый десяток лет – и не такое видела!

– Что же мне делать?

– Вы правильно поступили, вняв моему призыву и обратившись в агентство. Теперь необходимо как можно скорее найти надежную няню и показать, что вы хоть и весьма занятая, но очень заботливая мать. Теперь о Лицкявичусе...

– Что, я должна с ним расстаться?!

– Нет, ни в коем случае. Наоборот, для суда было бы плюсом, если бы вы узаконили ваши м-м-м... отношения.

– Мы должны пожениться, чтобы понравиться *судье*?

– Агния, это может показаться ретроградством, но полная семья с точки зрения закона смотрится гораздо лучше, чем мать-одиночка, живущая с мужчиной без регистрации.

– Но Шилов тоже разведен!

– Он женат.

– Ч-ч-что? – едва ворочая языком, переспросила я.

– Ваш муж месяц назад зарегистрировал брак с Анной Доренко. Он представил свидетельство о браке и согласие новой жены на удочерение.

Мне показалось, что потолок резко опустился мне на голову. Шилов – женат? И не просто женат, а, похоже, на той самой женщине, из-за которой мы, собственно, и разбежались! Но ведь он уверял меня в том, что это несерьезно, что они знакомы с институтских времен, что та связь была ошибкой как для него, так и для нее... А теперь он пытается продемонстрировать всему миру, что является идеальным семьянином, способным вырастить *моего* ребенка?!

– Вы думаете, с этим могут возникнуть проблемы? – поинтересовалась между тем Абель. – Ваш сожитель может отказаться от штампа в паспорте?

От слова «сожитель» меня передернуло – оно совершенно не подходит для описания наших с Андреем отношений.

– Нет, – ответила я. – Он бы не отказался, но я не стану предлагать Андрею расписаться ради того, чтобы кого-то ублажить!

– Напрасно, напрасно, – покачала головой Абель. – Все-таки подумайте: это произвело бы хорошее впечатление. Поймите, Агния, если вы хотите остаться опекуном девочки, вам придется действовать теми же методами, что и ваш бывший муж. Как вы могли заметить, он ничем не гнушается – и вы не должны. Если бы был другой способ, я бы обязательно предложила его вам, но, как ни печально, получить дочь вы сумеете, только доказав судье, что ваш муж не является хорошей кандидатурой для ее воспитания.

– И как же мне это доказать?

– Были ли в жизни Олега Шилова эпизоды, в которых, как бы это поточнее выразиться, он повел себя не очень красиво?

Я наморщила лоб, пытаюсь припомнить, но ничего путного на ум не приходило: кроме измены, Олега, пожалуй, не в чем упрекнуть.

– Вовсе не обязательно, чтобы он сам совершил какой-то проступок, – видя мое затруднение, добавила Абель. – Может, он являлся участником серьезного конфликта или...

– Еще до нашего знакомства, – перебила я, – на его старом месте работы одна пациентка покончила с собой.

– Вот! – радостно воскликнула Абель, и в ее глазах вспыхнул хищный огонек. – Можно поподробнее?

– Ну, в принципе, он не виноват... Молодая девушка с неустойчивой психикой пыталась очаровать своего лечащего врача.

– Такое случается сплошь и рядом, – поддакнула Абель. – И?

– Шилов всегда непреклонен в этом отношении – никаких романов с пациентками. А та еще и совсем девчонкой была! Поняв, что Олег не поддастся, она выскочила в окно на глазах у его коллег прямо во время совещания.

– Какой пассаж! – пробормотала Абель, но я видела, что она более чем довольна моей информацией, в то время как я чувствовала себя виноватой, разглашая то, о чем Олег сам мне рассказывал, считая, что никто другой об этом не узнает. – Расследование по делу велось?

– Да. Олегу пришлось даже переехать из Москвы в Питер, так как отцом девочки оказался влиятельный чиновник, намеревающийся обвинить Олега в домогательствах и подвести под статью.

– Не вышло?

– Нет, ведь вины Олега в той ситуации не было.

– Дыма без огня... Хорошо, что вы мне об этом рассказали, Агния, – попытаюсь использовать данный факт в нашу пользу.

– Это не совсем честно, вам не кажется?

– Добро должно быть с кулаками, помните поговорку? Ваш бывший не сомневался, нанимая кого-то следить за вами. Кстати, тот факт, что он вам изменил, также мог бы сыграть в нашу пользу... Однако пришлось бы доказать, что вы стали любовницей Лицквичуса уже после того, как узнали об измене.

То, с какой спокойной деловитостью Абель копалась в моем грязном белье, заставляло меня содрогаться от отвращения, однако она делала это без цинизма, и это ее оправдывало.

– Что-нибудь еще можете вспомнить? – спросила она.

– Нет, пожалуй.

– А как насчет дочери Шилова? Она утонула в аквапарке...

– Нет! – резко перебила я.

Маленькая дочка Олега от первого брака и в самом деле погибла. Случилось это по недосмотру матери, да и то не факт: невозможно же не спускать с детей глаз круглые сутки, а для того, чтобы ребенок утонул, достаточно нескольких секунд. Эта тема для меня табу, и я не собиралась обсуждать ее с Абель, зная, как Олег до сих пор переживает смерть дочки.

– Напрасно, Агния, – покачала головой адвокат. – Это могло бы...

– Я сказала – нет, – повторила я. – Вы мой адвокат и не должны поступать вопреки моему желанию!

– Хорошо, попытаюсь использовать другие факты. И еще одно, Агния: постарайтесь отныне помнить, что все ваши ходы, так сказать, записываются, и вести себя соответственно. То есть – очень осмотрительно!

* * *

Несколько дней прошли без происшествий. Если не считать некоторого напряжения, время от времени проявлявшегося в общении между коллегами, все шло как обычно. На следующий день после встречи с Жанной я сходила к Охлопковой и передала ей, что узнала от девушки и Киры (разумеется, с купюрами, чтобы не подставлять обеих). Заведующая пообещала все обдумать, и, признаться, на этом я успокоилась.

В субботу позвонили из агентства и обрадовали новостью о том, что Антонина Пилюгина может приступить к работе с понедельника. В воскресенье я встретилась с ней и пришла в восторг от этой маленькой, крепко сбитой немолодой женщины, так и излучавшей энергию и оптимизм. Она познакомилась с Эрикой и Анютой (я решила не обижать Ларису, поэтому не упомянула о том, что адвокат посоветовала удалить ее от моей дочери: мы с Андреем решили, что няня будет присматривать за обеими девочками).

В понедельник, отдохнувшая и бодрая от сознания того, что проблема с детьми решена, я пришла на работу, готовая к предстоящим операциям. В пятницу я успела опросить пациентов, а потому сейчас можно было полчаса расслабиться и еще раз просмотреть записи. В ординаторской не было ни души, и я, сняв туфли, закинула ноги на табурет и углубилась в чтение.

– Агния Кирилловна, можно к вам?

Вздернув голову от удивления при звуке знакомого голоса, я увидела широкое лицо подполковника Карпухина.

– Артем Иванович! – захлопывая папку, воскликнула я радостно. – Какими судьбами?

Он сдержанно улыбнулся, и моей радости поубавилось.

– Здравствуйте, – ответил Карпухин на приветствие. – Повод, честно говоря, неприятный. Вы заняты?

– Через двадцать минут мне нужно на операцию. В чем дело?

– Вы хорошо знали Киру Шемякину?

– Киру? Она наша анестезистка... А почему «знали»?

– Видите ли, Агния, вчера утром Шемякину обнаружили в квартире мертвой. Однако умерла она, похоже, еще в субботу.

Я почувствовала, что мне не хватает воздуха. Встревоженный Карпухин взял меня за локоть и заглянул в лицо.

– Вы в порядке?

– Д-д-да. То есть нет, я не в порядке! Господи, Кира умерла... Но как, почему?!

– Я надеялся, вы мне скажете.

– Я?

– Ну, вы же близко общались, часто вместе работали, так? Может, вам известно что-то, могущее подвигнуть ее на самоубийство?

– Так она что, с собой покончила?

– Вы удивлены, – отметил Карпухин.

– Разумеется, я удивлена! Кира не из тех, кто впадает в депрессию, она всегда старается найти выход из тяжелой ситуации – да это вообще не в ее характере!

– Соседи говорят то же самое, – кивнул он.

– Как... она умерла?

– Отравилась газом.

– Какой ужас! А ее сын?

– Ищем, чтобы сообщить о смерти матери, но пока безрезультатно.

– Он наркоман, вы в курсе?

– И вы – тоже?

– Все на отделении знают. – Я умолчала о том, что понятия не имела о данном факте, пока Жанна меня не просветила.

– У меня создалось впечатление, что ваша заведующая не была со мной откровенна. Как думаете, почему?

– Мне нужно идти, – сказала я, бросив взгляд на настенные часы. – Мы можем встретиться где-нибудь часов в пять?

– Говорите, куда подъехать!

А как хорошо начинался этот день! Я думала, что ничто не способно выбить меня из колеи, но сообщение Карпухина о самоубийстве Киры сделало свое дело: войдя в операционную, я вытянула перед собой руки и увидела, что пальцы непроизвольно подрагивают. Слава богу, я не хирург, но и анестезиологу тремор ничего хорошего не сулит, поэтому я закрыла глаза и глубоко втянула воздух через нос, задерживая дыхание.

– Агния Кирилловна, у вас все хорошо? – озадаченно спросила меня Арина Чиркова, моя сегодняшняя анестезистка.

– Да, все нормально, – соврала я, чувствуя, как постепенно все отходит на второй план. – Давайте-ка хорошенько все проверим!

* * *

В начале шестого я входила в пирожковую «Кошкин дом». Карпухин категорически не любит новомодные заведения, и не потому, что там дорого, ведь зарплата позволяет ему время от времени шикануть. Он придерживается мнения, что простая русская еда – именно то, что необходимо его организму. Не уверена, что поглощение пирожков способствует хорошему пищеварению, но подполковнику ожирение не грозит: он отличается мощным, коренастым телосложением, но жира в этом теле ровно столько, чтобы сбалансировать все остальные составляющие, а потому я не собиралась делать ему замечание, застав за поеданием гигантского рыбного расстега.

– Ну, как прошло? – поинтересовался он, с трудом прожевав большой кусок. – Не напор-
тачили?

– За кого вы меня принимаете? – буркнула я.

– Кто бы вас упрекнул? Такая новость кого угодно подкосила бы!

– Пациенты бы упрекнули: они не виноваты в том, что происходит. Скажите-ка, Артем Иванович, почему вы занимаетесь этим делом? Человек такого чина... Если это самоубийство, какое вы имеете к нему отношение?

Карпухин работает в убойном отделе. Несколько лет назад, еще в бытность свою майо-
ром, он стал куратором ОМР: «наверху» решили, что нам полезно будет иметь у себя такого
человека. Однако никто его основной работы не отменял.

– Вы прямо как в воду глядите, Агния Кирилловна! – усмехнулся он. – Действительно,
сначала дело поручили другому человеку, но уже через сутки оно переключалось ко мне: появи-
лось подозрение, что Шемякину могли подтолкнуть к самоубийству, а это уже совсем другой
коленкор. Ну, а так как я давно вращаюсь во врачебной среде (уже заснуть не могу, не почи-
тав медицинскую энциклопедию на предмет того, что у меня сегодня болит!), то мне и отдали
вашу анестезистку. Кстати, как она была, а? В работе, я имею в виду.

– Выше всяких похвал, – печально ответила я. – Не представляю, как такое могло слу-
читься: я же была у нее недавно!

– Насколько недавно? – насторожился Карпухин.

– Несколько дней назад.

– То есть незадолго до смерти? – уточнил он. – Агния, вы понимаете, какие последствия
это может иметь?

– То есть?

– Вы приходите к отстраненной от работы Шемякиной, а через некоторое время она
засовывает голову в духовку! Ваша заведующая рассказала, что Шемякина, возможно, что-то
напутала с наркозом, в результате чего умерла молодая девушка. О чем вы с ней говорили?

– Так об этом же! – развела я руками. – Я пыталась понять, как такое могло произойти!

– Поняли?

– По всему видать, виновата либо Кира, либо анестезиолог Жанна Рыкова, но мне пока
не удалось узнать, кто из них. Обе свою вину отрицают, и вопрос о том, как в стерильной чашке
оказался не тот препарат, остается открытым. Что вам рассказала Охлопкова?

– Только то, что в данный момент в отношении Шемякиной ведется служебное рассле-
дование.

– А об иске?

– О каком иске?

– Том, что отец девушки собирается вчинить больнице?

– Нет, я же сказал, что она была недостаточно откровенна. Это можно понять: если выяс-
нится, что Шемякину довели до самоубийства, неприятностей вашей заведующей не избежать!
Вот вы, к примеру, по собственному почину отправились к ней или вас Охлопкова подослала?

– Артем Иванович, я думала, что вы достаточно хорошо меня знаете, чтобы понять... –
обиженно начала я, но подполковник тут же прервал мою речь:

– Простите, я не хотел вас оскорбить – работа такая. Значит, вы ходили к Шемякиной
по своей инициативе. Она показалась вам расстроенной, подавленной?

– Да нет, ничего такого.

– У нее же пациентка на тот свет отправилась – что, никакого раскаяния?

– Я же сказала, Кира была уверена в том, что не могла ничего напутать! Перед моим
приходом она надраивала квартиру. Скажите, какой человек, готовящийся себя убить, станет
этим заниматься?

– Всяко бывает... А вы ничего такого ей не сказали – обвинительного?

– Артем Иванович!

– Ладно-ладно, проехали! А кто-то другой мог – после вас?

– Откуда мне знать? Но насчет Охлопковой я уверена на сто процентов: она никогда не стала бы этого делать. Елена Георгиевна не опустилась бы до голословных обвинений, не разобравшись во всем досконально. Я в общих чертах передала ей содержание своих бесед с Кирой и Жанной, и она обещала все обдумать... Не представляю, что могло произойти!

– А как насчет отца умершей пациентки? Иск иском, но мог он начать донимать Шемякину, обвиняя в гибели дочери?

– Я его в глаза не видела.

– Ясненько.

– Значит, вы полагаете, что Киру так замучили угрызения совести, что она решила отравиться газом? Невероятно!

– Надо побольше разузнать об умершей... Ладно, Агния, спасибо за информацию, пойду я.

– Что делать будете?

– Опрошу соседей, родственников. Может, сын Шемякиной объявится: то, что он наркоша, очень даже могло поспособствовать такому раскладу, а вовсе не трагедия с пациенткой. Так что будем копать и посмотрим, что вылезет на свет!

* * *

– Агния, надо встретиться.

Вот не ожидала, что Кадреску станет мне названивать! С тех пор как Андрей запретил мне заниматься делами ОМР, я не видела никого из группы, за исключением Вики: она частенько заскакивала, чтобы передать Андрею документы и отчитаться о проделанной работе. Вика – наш компьютерный вундеркинд. Не знаю, можно ли так называть девушку двадцати четырех лет, но она и в самом деле удивительная. Окончила биофак в пятнадцать лет, потом – аспирантуру, стала работать на Андрея, когда ей еще и восемнадцати не исполнилось. В интернет-пространстве она ориентируется как рыба в воде и может собрать компьютер из подручных материалов: иногда мне кажется, что она из консервных банок бы его соорудила!

Так что звонок Леонида меня удивил. Мы не виделись с того самого дня, когда он сообщил мне о результатах теста на ДНК. Несколько раз меня подмывало набрать его номер и извиниться за сухость, с которой я с ним общалась, – удар, произведенный его новостью, был силен, и в тот раз я едва могла себя контролировать от расстройства. И вот он звонит сам!

Так как я рано заканчивала работу, то предложила встретиться в больничном скверике. Ровно в назначенное время (что для меня вообще-то редкость!) я шла по тропинке, усыпанной розовым гравием. Леонида заметила еще издали: его крупная фигура заметно выделялась на фоне распускающейся зелени. Как всегда элегантный, Кадреску поприветствовал меня кивком.

– Отлично смотрите, – сказал он. Мог бы сказать «отлично выглядите», но нет – в этом весь Леонид Кадреску, и его способ подбора слов так же отличается от общепринятого, как и его внешность. – Материнство обычно изматывает.

– У меня прекрасная няня, – улыбнулась я. – Просто находка!

– Я думал, дочь Лицкявичуса присматривает за вашей дочерью?

– Ей тоже помощь не помешает, – уклончиво ответила я, не желая вдаваться в подробности. – Чем порадуете?

– Вы мне все тот тест припоминаете? – нахмурился он. – Не моя вина, что...

– Да бросьте, Леонид! – перебила я. – Я без всякой задней мысли спросила, ведь вы не стали бы просто так меня выдерживать!

– Это правда. Речь пойдет о том мальчике, с опухолью Вильмса, помните?

Еще бы я не помнила! Мои мысли то и дело возвращались к молодой матери, и я не могла не испытывать чувства вины перед ней за то, что бросила дело, не доведя до конца. Андрей не сказал, что подрядил на это Леонида – странный выбор!

– И как оно? – спросила я. – Материал получили?

– Получил. Результаты анализа еще нет, но я собрал все диагнозы из разных учреждений, где обследовался пацан. Знаете, что поражает воображение?

– Что?

– Они все разные. Четыре диагноза, четыре разные опухоли! Кстати, только один, от профессора Георгиади, рак. Я даже с чехами разговаривал, и они подтвердили доброкачественную онкоцитому.

– Да ну?! То есть не факт, что пареньку была показана операция?

– Во всяком случае, не радикальная нефрэктомия. Ставили даже микроскопическую аденому почки, так как она выглядит похожей на низкодифференцированный почечно-клеточный рак, – короче, сдается мне, что анализ покажет доброкачественную опухоль.

– А с Георгиади вы беседовали?

– Она абсолютно уверена в собственном диагнозе и стоит на своем неколебимо, как Медный всадник ⁶.

– Странно, что такая заслуженная дама, пишущая умные книжки, вообще выдвинула подобную гипотезу, – заметила я.

– Верно, – согласился Кадреску. – Опухоль Вильмса обычно встречается у маленьких детей и мало характерна для подростков. Тем не менее из разговора с Георгиади я понял одно: она считает, что удаление почки правильно в любом случае, даже если опухоль была доброкачественной.

– Я затрудняюсь сказать, так как плохо разбираюсь в онкологии.

– Я тоже не спец, поэтому обратился к профессионалу. Она даст свое заключение через несколько дней.

– Зачем Георгиади подмахивать заведомо неправильный диагноз?

– Возможно, собственная ученость замылила ей глаз и она не была достаточно внимательна, – пожал плечами Леонид. – А возможно, дело не в этом. Мамаша рассказывала вам о журналистке?

– Что-то припоминаю. Кажется, журналистку звали Надя?

– Нина. Я решил, что было бы правильно поболтать с этой журналисткой – не просто же так она «накачала» Ирину Попкову?

– И что, встретились?

– Вы действительно не понимаете?

– Что я должна понимать?

– Нина Митина умерла. В вашей больнице.

Конечно, пациентка, которой вкололи летальную дозу адреналина!

– Она... умерла? – пробормотала я. – То есть наша Нина и есть та самая... Надо же, какое совпадение!

– И не говорите. Так что, выходит, с ней встретиться возможным не представляется. Однако я намерен повидать ее редактора – вдруг он сумеет прояснить ситуацию?

Я не могла поверить, что это на самом деле происходит: два таких разных дела пересеклись, объединенные одним человеком – разве это не удивительно?

– Могу я вас попросить, Леонид?

⁶ Игра слов: речь о поэме Пушкина «Медный всадник», в котором есть такие строки: «Красуйся, град Петров, и стой неколебимо, как Россия!»

– О чем угодно.

– Позвоните мне, когда поговорите с редактором Нины, ладно?

– Не вопрос.

Он поднялся так внезапно, что я отпрянула. Высокая фигура патологоанатома на мгновение заслонила солнце.

– Ждите звонка, – бросил он через плечо и удалился, не прощаясь.

Я осталась сидеть на скамейке. А как хорошо начинался этот день!

* * *

На следующее утро дежурная сестра сказала, что меня вызывает Охлопкова. В кабинете, помимо заведующей, находились двое – статный немолодой мужчина и полная дама с модной короткой стрижкой.

– Заходите, Агния Кирилловна, – пригласила Охлопкова. – Позвольте представить: это, – она кивнула на мужчину, – отец Нины Митиной, Валерий Анатольевич Митин. А это – его адвокат.

– Галина Степановна Ищенко, – не стала дожидаться полного представления дама. – Адвокат господина Митина. А вы...

– Агния Кирилловна Смольская, наш ведущий анестезиолог, – ответила вместо меня Охлопкова.

– Значит, у вас есть *настоящие* специалисты? – хмуро произнес вышеозначенный Митин. – И почему же моей дочери достались коновалы?

– Мы пока не знаем, в чем причина смерти вашей дочери, – спокойно заметила Охлопкова, и я в очередной раз поразила ее выдержке.

– Неужели? – хмыкнул Митин. – А вот патологоанатом убежден, что знает: причина в вопиющей халатности, проявленной сотрудниками вашего отделения, и я намерен доказать это в суде.

– Это ваше право, – согласилась Елена Георгиевна.

– А вот вы, – внезапно обратился ко мне мужчина, сверля пронзительным взглядом, отчего я сразу же ощутила неловкость, – скажите, легко ли перепутать чистый адреналин с... что вы там обычно колете?

Я беспомощно посмотрела на Охлопкову, и она поспешила вмешаться:

– Бесплезно обращаться к доктору Смольской: в ее практике таких случаев не встречалось! Это вообще большая редкость, и можете не сомневаться, что виновные обязательно понесут наказание.

– Будьте уверены, – встряла адвокат, – мы это проверим. Мы проведем самое тщательное расследование, вскрыем все случаи халатности в вашем отделении и в больнице в целом, соберем свидетельства, и тогда вам придется искать себе работу в цветочных ларьках!

Брови заведующей опасно сошлись на переносице, но Ищенко уже подхватила своего клиента под руку и потащила к двери.

– Ну, и как вам это нравится? – устало спросила Охлопкова, снимая очки и потирая оставленный ими след.

– Ужасно! – пробормотала я.

– В сущности, они правы: именно наше отделение виновато в смерти девушки. Это мой *личный* ляп, ведь я занимаюсь подбором персонала и должна знать, на что способен каждый из моих работников. Но я вас вызывала не для того, чтобы вы завели «приятное» знакомство с родственниками покойной. Речь пойдет о перерасходе препаратов.

– Вы серьезно?

– К сожалению, да. Вы же понимаете, что в связи с этим происшествием нас станут проверять? Так вот, я решила всех опередить и сама подняла бумаги за последние несколько месяцев. Знаете, что я выяснила?

– Что же?

– У нас обнаружился значительный перерасход наркотических средств.

– Каких?

– Разных – промедола, омнопона и просидола. Но, самое интересное, налоксона: у нас его всегда было мало, но все запасы испарились примерно в течение месяца, и я ума не приложу, куда он мог подеваться!

Это действительно странно, ведь основное применение налоксона – передозировка морфином, а я что-то не припоминала, чтобы в последнее время в отделение поступали такие пациенты.

– Но не это самое интересное. Занятно, что больше всего наркотиков списано Шемякиной!

В обязанности анестезисток и в самом деле входит списание наркоты, но до последнего времени мне и в голову не приходило проверять Киру: никто со склада не жаловался, а в противном случае повода нет. Видимо, так думала и Охлопкова. До недавнего времени.

– Агния Кирилловна, вам что-то об этом известно? – испытующе глядя на меня, спросила она.

– Мне?!

– У вас на лице написано.

– Ну... Понимаете, не то чтобы...

– Говорите прямо, Агния Кирилловна, а то вы вынуждаете меня плохо о вас подумать: вы знаете что-то, чего не знают другие?

– Проблема в том, что *другие* как раз в курсе, – вздохнула я. – А я сама только недавно... Не знаю, имеет ли это отношение к пропаже препаратов, да и человека зря подставлять не хочется...

– Вы о ком?

– О Кире, о ком же еще? Она умерла, и...

– Печальный факт смерти Шемякиной не поможет нам объясняться насчет наркотиков. Так что вам известно?

– Сын Кире наркоман! – выпалила я, и брови Охлопковой взлетели к линии роста волос: видимо, только мы двое и оставались в неведении.

– Это... может все объяснить, – пробормотала она, снова потирая переносицу. – Откуда вы узнали?

– Похоже, все знали. Несмотря на то, что мы долго проработали с Кирой, она не посвящала меня в детали своей личной жизни. То есть я слышала, что у нее есть сын, но понятия не имела о его зависимости!

– Я вам верю, – кивнула она. – Не нужно оправдываться: если кто и виноват, то это я! Ко мне приходил следователь... Не тот ли это человек, который работает с вами в ОМР? Мне кажется, мы встречались.

– Это он – подполковник Карпухин.

– Как вы с ним общаетесь? Весьма неприятный тип!

– Он вынужден задавать неудобные вопросы, – поспешила я оправдать Артема Ивановича. – Служба такая.

– Возможно, возможно, – с сомнением протянула Охлопкова. – Только этого нам и не хватало для полноты картины: погибла пациентка, а потом и анестезистка свела счеты с жизнью!

– Считаете, Митин серьезно – насчет суда?

– А зачем, вы думаете, он притащил с собой адвоката? Они нам еще попортят крови, помяните мое слово!

* * *

Арам Анастасович Карапетянц оказался невысоким тщедушным пареньком чуть за тридцать, и Леониду оставалось лишь подивиться тому, как ему удалось так рано очутиться на посту главного редактора одного из основных «желтых» изданий города. Он носил мятый спортивный пиджак, и когда сел, закинув ногу на ногу, патолог заметил, что у редактора носки разного цвета.

– Какая трагедия! – воскликнул он, стоило Кадреску упомянуть имя Нины Митиной. – Такая талантливая девочка – просто настоящая звезда! Я чувствовал, что у нее большое будущее, и вот... Да-а, человек предполагает, а бог...

– Давайте не будем впутывать высшие силы, – поморщился Леонид: убежденный атеист, он свято верил в торжество науки. – Что вы можете пояснить по поводу последнего материала вашей сотрудницы?

– Вы про врачебные ошибки? Признаться, я отговаривал Ниночку от этой затеи: видите ли, наша газета, как бы это сказать, читиво развлекательное, а тут – такие серьезные темы! Вот если бы она какое-нибудь громкое убийство вскрыла... Вы же понимаете, что доказать врачебную ошибку трудно, врачи друг за друга горой... Корпоративная этика, будь она неладна!

– Ну, написали бы опровержение – подумаешь! – пожал плечами Кадреску. – Полагаю, оно было бы не первым и не последним?

– Вы, конечно, считаете «Правду жизни» несерьезным изданием, но это не значит, что мы печатаем ничем не подкрепленные гипотезы, – покачал головой Карапетянц. – Потому-то я и предупредил Нину, что не выпущу ее серию статей до тех пор, пока она не соберет достаточно доказательств.

– Собрала?

– А статьи вышли? – вопросом на вопрос ответил редактор.

– Понятия не имею, я не поклонник вашей газеты.

– Заметно! Так вот, к вашему сведению, ни одна статья не выходила. Правда, в последний раз, когда мы виделись, Нина упоминала, что готова представить мне достаточно оснований для того, чтобы я дал добро.

– А вы знаете, где Нина могла хранить свои записи?

– В своем ноуте, разумеется. А он, полагаю, у нее дома.

– Понятно. Что ж, спасибо... Один вопрос: откуда у Нины интерес к медицинской теме?

– Кажется, ее мать была связана с медициной.

– Какого профиля?

– Простите, не интересовался. Нина, по-моему, даже поступила в медицинский университет, но потом что-то не заладилось... Короче, она ушла и решила стать журналисткой. По конкурсу не прошла, кто-то посоветовал ей поработать и набраться опыта, а потом попробовать еще раз. Нина пришла к нам курьером, но через полгода показала мне очень даже приличную статью, и я согласился вставить ее в очередной выпуск. С тех пор она стала писать – сначала внештатно, а позже мы нашли для нее ставку. В будущем году она намеревалась снова поступать, и один мой знакомый, акула пера, обещал дать ей лестную характеристику... Не сложилось, выходит?

* * *

– О чем мечтаешь?

Голос Андрея вывел меня из состояния задумчивости.

– Да так, о разном... Главным образом о моей анестезистке.

– Это о той, которая пациентку угробила?

– Зачем ты так? – упрекнула я. – Еще ничего не выяснено!

– Думаю, вы напрасно ищите черную кошку в темной комнате: что из того, что она отрицает... отрицала свою причастность? Это нормально, что человек пытается обелить себя. С кем не случается? Даже в моей клинике анестезисток не хватает – одна на две-три операционные. Текучка у них, ведь зарплата маленькая, а требований больше, чем в государственных больницах. Я работаю только с двумя анестезиологами, а они, в свою очередь, предпочитают двух анестезисток – тех, кому полностью доверяют. Одна карты отлично оформляет, у нее каллиграфический почерк, а вторая лучше справляется в операционной – прямо электровеник! Первая, что помоложе, иногда подтормаживает – может, к примеру, атропин с прозергином перепутать, так как коробки рядом лежат... А вторая обычно ходит за препаратами крови и совмещает ее, хотя я бы на месте анестезиолога такого не позволял.

– Кира никогда не допускала ошибок! Может, это связано с ее сыном?

– Наркоманом?

– Сегодня я имела неприятный разговор с Охлопковой. Она говорит, что обнаружила перерасход наркоты.

– Но как такое возможно, ведь на списание остатков в госучреждениях нужны подписи анестезиолога и членов комиссии по наркотикам – начмеда, старшей сестры и старшего оперуполномоченного по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств!

– Не знаю, как у Киры это выходило... Я настолько доверяла ей, что, видимо, просто не обращала внимания на то, что «остатков» практически не остается!

– Но в карте же ты тоже расписываешься, так? Во столько-то введено столько-то того-то, врач-анестезиолог такой-то...

– Я раньше проверяла, но в последнее время... Наверное, я так привыкла, что в карте исполнения Киры комар носа не подточит, что полностью на нее положились! Однако, как мне кажется, я все же одним глазом следила за тем, чтобы все сошлось. Охлопкова, между прочим, меня ни в чем не обвиняла, ведь Кира работала и с другими анестезиологами...

– Это хорошо: не хотелось бы придумывать отговорки, чтобы тебя отмазать! Думаешь, твоя Кира для сына наркоту доставала?

– Понимаешь, у нее куда-то утекал налоксон, а на моей практике он вообще ни разу не применялся.

– А его ведь наркошам дают, да? Типа лечение от морфиновой зависимости...

– И другие наркотики: такое впечатление, что у Киры были безотходные операции!

– Радуйся, что она тебя за собой не потянула, – хмыкнул Андрей.

– Как считаешь, мне следует поговорить об этом с Карпухиным?

– Зачем? Это же вроде самоубийство... С другой стороны, ты можешь оказаться права: просто так Артем не взялся бы за такое очевидное дело – видимо, не так уж все очевидно! Позвони ему. Может, мы зря беспокоимся, но в любом случае хуже не будет!

– Ты с Леонидом говорил? – сменила я тему.

– При чем тут Леонид? – удивился Андрей.

– Ты ведь ему поручил заняться тем мальчиком, Попковым?

– Откуда ты знаешь? Неужели Кадреску...

– Ага, – кивнула я, – мы встречались.

– Интересно, по какому поводу?

– У нас было тайное свидание, а потом сумасшедший секс на крыше больницы.

– Не удивлюсь: Кадреску всегда отличался ненасытным темпераментом, но мне казалось, что я тебя вполне удовлетворяю?

– Ладно, шутки в сторону, – вздохнула я. – Обнаружилась одна интересная деталь, поэтому Кадреску со мной и связался. Помнишь, я говорила тебе о журналистке, которая и заронила зерно сомнения в душу Ирины Попковой?

– Ну?

– Журналистку звали Ниной Митиной.

– И что?

– А то, что пациентку, в смерти которой обвиняют Жанну и Киру, зовут точно так же. Более того, это она и есть!

– Интересно... И что у тебя на уме?

– Даже не знаю! Нина подозревала, что профессорша, которая удаляла опухоль мальчику (кстати, вместе с почкой), хотела реализовать деньги, отпущенные на квоты по Вильмсу. Теперь Нина мертва и, выходит, некому больше правду искать?

– Господи, Агния, ты ведь не думаешь, что Георгиади могла иметь отношение к смерти пациентки?! Она работает совершенно в другом месте, да и практически доказано, что именно ваше отделение, уж извини, допустило роковую ошибку, и обвинять в этом заслуженного врача по меньшей мере неэтично!

– Странно, что именно ты, глава Отдела медицинских расследований, мне это говоришь!

– Вот именно – медицинских *расследований*, а не идиотских предположений! Скорее всего, у этой Нины не было серьезных доказательств, иначе этим давно занялась бы прокуратура. Не забывай, что она была журналисткой, а они радуются любой возможности кого-то в чем-то уличить, а потом уж пусть жертва сама расхлебывает последствия и оправдывается. Я видел слишком много судебных, разрушенных писаками, уж поверь, часто совершенно незаслуженно.

– Но ты сам всегда говоришь, что не веришь в совпадения! – возразила я, отчаянно пытаюсь привлечь Андрея на свою сторону.

– Позвони Карпухину, – сказал он спокойно. – Расскажи ему, что узнала: если это так тебя беспокоит, доверив ему свои «секреты», ты сможешь считать, что сделала все от тебя зависящее!

* * *

Одним звонком Карпухину не обошлось: едва услышав в трубке мой голос, подполковник предложил встретиться. Ничего не оставалось, как пригласить его в гости. Андрей находился в больнице допоздна, Лариса ушла в свой салон, и я оставалась с детишками в полном одиночестве. Девочки мирно посапывали в кроватках, и я предвкушала несколько часов абсолютного покоя у телевизора. Что ж, видимо, придется отказаться от этой мечты.

Шум автомобильного двигателя возвестил о появлении Карпухина. Лай огромного мраморного дога Андрея по кличке Аякс, подхваченный Юбером, доказал мою правоту. Некоторое время я боялась перевозить моего трехлапого курцхаара, спасенного с борта лайнера «Панацея», из городской квартиры – вдруг Аякс его не примет? ⁷ Однако мои опасения не оправдались, и псы отлично ладили. Правда, Юбер сразу принял подчиненное положение, а дог оказался достаточно снисходительным, чтобы принять предложенную дружбу. Теперь, когда обе собаки носятся по дому, топот стоит такой, словно бежит стадо бизонов, при этом Юберу отнюдь не мешает отсутствие одной лапы – он отлично справляется и тремя.

Через пару минут Карпухин вошел в дом. Потрепав псов, соперничающих за право приветствовать гостя первым, по холкам, он захлопнул за собой дверь.

⁷ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Клиника в океане».

– Ну, здравствуйте еще раз... – начал он своим трубным гласом, но я приложила палец к губам, и Карпухин снизил тон.

– Девчонки спят?

Я с улыбкой кивнула. Вошел Раби. Несмотря на то, что у нас с домоправителем с первой встречи установились хорошие отношения, я не была уверена, что ему понравятся перемены, происшедшие в жизни Андрея. Долгое время мужчины жили в этом доме вдвоем, и вдруг появились мы с Ларисой, да еще и с маленькими детьми. Однако Раби, похоже, такое положение вещей вполне устраивало. Правда, с новой няней у него сразу не заладилось: домоправитель считал ее занудой, везде и всюду следующей расписанию, а она сердито бурчала, что «этот человек» (иначе она его и не называла) смеет учить ее, как обращаться с младенцами. Тем не менее в целом мы все мирно сосуществовали.

На улице шел дождь, поэтому я провела Карпухина в гостиную, где с самого утра Раби разжег большущий камин. Я мечтала о таком, в юности читая английскую классику, где непременным атрибутом поместья каждого уважающего себя джентльмена являлся камин. Теперь он у меня был, и я любила проводить время, читая на диване напротив него или же просто глядя на огонь. Подполковник опустил свое массивное тело в мягкое кресло и блаженно вытянул ноги.

– Лепота! – пробормотал он, прикрывая глаза. – Может, мне тоже за город перебраться?

– Давайте, Артем Иванович, – кивнула я. – Поближе к нам, чтобы не приходилось в такую даль ездить!

– Да ну, всего-то каких-то двадцать километров – разве это расстояние?

Пора было переходить к делу, и я поделилась с подполковником информацией, от которой меня так и распирало.

– Вы правильно сделали, что позвонили, – заметил он, когда я закончила. – Все это может оказаться совпадением, а может...

– А сын Киры Шемякиной нашелся? – перебила я, тоже желая узнать новости.

– В том-то и дело, что нет. И, Агния Кирилловна, все немного не так, как казалось поначалу.

– Что вы имеете в виду?

– Судмедэксперт обнаружил в крови Шемякиной большое количество хлороформа, около... погодите, – Карпухин вытащил из кармана изрядно помятую бумажку, – около четырехсот пятидесяти миллиграмм на литр крови – и, заметьте, прошло прилично времени с момента смерти! Кроме того, на теле имеются признаки раздражения кожных покровов, что патолог также приписывает отравлению хлороформом. Вы сказали, что ваша заведующая обнаружила странности при списании Шемякиной медикаментов – был ли среди них хлороформ?

Я покачала головой.

– Хлороформ токсичен и уже много лет не применяется в анестезиологии. Раньше этот метод ингаляционного наркоза был популярен, особенно при родовспоможении, но после открытия эфирного наркоза и других способов хлороформ используется только в качестве растворителя. Не знаю, есть ли он вообще на складе!

– По всему выходит, что Шемякина никак не могла покончить с собой, сунув голову в духовку: смерть наступила от передозировки хлороформом и еще одним препаратом под названием... – он снова уткнулся в свою бумажку, – налоксон. Что, кстати, за зверь такой?

– Налоксон применяется для лечения наркозависимых... То есть вы имеете в виду, что... Киру убили?

– Похоже на то.

– Но кому это могло понадобиться?!

– На данный момент я вижу троих кандидатов.

– Троих?!

– Во-первых, сын Киры, Станислав Шемякин, наркоман со стажем. Я опросил коллег вашей медсестры, и они рассказали, как Шемякина намучилась с ним, какие скандалы происходили в их квартире, как полицию чуть не через день вызывали...

– Надо же, а я ничего не замечала! – пробормотала я. – Кира всегда была такой спокойной, уравновешенной, что казалось, у нее все благополучно!

– Это была версия номер один, – продолжал Карпухин. – Теперь номер два: папаша покойной Нины Митиной. Вы сами рассказывали, как он бушевал в кабинете вашей заведующей!

– Но он грозил судом, а не убийством! – попыталась возразить я. – Тот, кто намерен подавать иск, вряд ли пойдет на такое!

– А вдруг аффект? – пожал плечами подполковник. – Может, не дотерпел мужик до суда, решил сам поболтать с предполагаемой виновницей? Хотя, конечно, способ убийства... Нет, это маловероятно: он скорее шею бы ей свернул, ударил или застрелил накрайняк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.